

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

КВАРТИРА, МУЖ И АМНЕЗИЯ...

Откуда взялся муж, которого не помнишь?

**Про любовь в подозрительных
обстоятельствах**

16+

Наталья Баклина

Квартира, муж и амнезия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25290614

SelfPub; 2022

Аннотация

Судьба – дама с юмором. Одной рукой одаривает, другой – отнимает. У Ритки она отняла семью – погиб отец, угасла мама. А одарила неожиданной родственницей, которая позвала осиротевшую племянницу к себе в Москву. Разные планы строила Ритка, переезжая жить в центр столицы. Но в них никак не входило, что тётка умрёт, квартира останется Ритке, а красавец, открывший дверь этой квартиры скажет: "Привет! Я – твой муж".

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	32
ГЛАВА 3	52
ГЛАВА 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Баклина

Квартира, муж и амнезия

Пролог

Что же это такое с ней было-то? Ритка бездумно смотрела в окно на снежные хлопья, затушевавшие подсвеченные улицы. «Надо же, уезжала из осени, а вернулась в зиму. А в Праге снегом и не пахнет», – думала она, прокручивая в голове недавние события. Три дня в Праге, чистенький поезд, общительная соседка, кофе из пакетиков, «Черновик» Лукьяненко, который она этим кофе облила... Отчего же она уснула вчера, точно в чёрную яму провалилась? Отчего проводница в Москве еле-еле её растолкала, а голова до сих пор тяжёлая, и будто набитая пыльной паутиной?

Куда ей было в таком состоянии в метро лезть? Пришлось на Белорусском ловить такси. Бог с ними, с четырьмя сотнями, может теперь себе позволить... Удачно она в эту фирму устроилась, даже не ожидала, что так быстро и легко получится. Всё-таки не столичная она ещё штучка, да и одичала слегка, пока за мамой ухаживала...

Мама... Три года больниц, уколов, массажей, памперсов и пелёнок. Полтора года надежды, что поправиться, встанет и станет хоть немножечко той прежней, живой и весёлой ма-

мой, с которой ей было так уютно, безопасно и спокойно жить... И ещё полтора года тупого служения угасающему телу.

У Ритки самой, наверное, от маминых инсультов что-то сместилось в голове. Разве она прежняя, в трезвом уме и ясной памяти, стала бы знакомиться через Интернет? А она нынешняя стала, и познакомилась с Гришкой, и целых три месяца цеплялась за него, вываливая на бедного мужика всю кучу собственных эмоций. Не удивительно, что ему надоело. Он ведь не ангел, а обычный мужик. А какой обычный мужик будет долго терпеть бабу с такими, как у неё проблемами? Три месяца выдержал, и на том спасибо. И так исправно служил жилеткой, выслушивал потоки истовых воспоминаний о её тюменском детстве, о том, как хорошо жили родители, как нелепо погиб отец, как мама так и не оправилась от его гибели. Они и в городок-то этот в Рязанской области переехали только потому, чтобы места об отце не напоминали.

Ритка, не меньше матери ошеломлённая гибелью отца, безропотно оставила свою работу в нефтяной компании, разорвала непрочные, как оказалось, отношения с занудой Павликом – а и были ли они, эти отношения? И уехала с мамой – нельзя было оставлять её одну. Но то ли хлопоты с продажей-покупкой квартиры и с переездом тому виной, то ли резкая смена климата, а, может, мать так и не смогла убежать от своей тоски, и та её догнала... Догнала, и мать, расставив безделушки в комнатах, развесив занавески, легла

спать в новую кровать на новом месте, а утром проснулась с перекошенным лицом и неподвижной правой стороной тела.

«Мама-мамочка...» Рита отметила, что воспоминания о матери на этот раз не вызывают тоски и печали. Пыльная паутина, забившая голову, фильтровала эмоции и оставляла лишь бесцветные, как карандашный набросок, воспоминания. Вот она приходит к Гришке, видит у него в квартире какую-то тощую блондинку и слышит: «Я устал от тебя и наших отношений». Вот на следующее утро она подходит напоить маму, и видит, что мамы нет. Совсем. Осталось только тело с тяжёлым запахом. Вот она хлопчет с похоронами, и всё делает практически одна – друзей на новом месте у неё нет, а знакомых обременять неловко – и буквально сходит с ума от новой лавины расходов. Вот приезжает из Москвы тётя Тая и махом решает все её проблемы, и они хоронят маму, стоя у гроба втроем: Рита, тётя Тая и Мария Сергеевна, пожилая медсестра из поликлиники, которая за небольшие, в общем-то, деньги иногда подменяла Ритку у маминой постели. А больше и не было у них никого: мать у своих родителей была единственной поздней дочерью, и тех уже в живых не осталось. Потом тётя Тая зовёт Ритку жить к себе в Москву, и Ритка соглашается. И тётя Тая говорит, что оформит Ритке дарственную на свою московскую квартиру – она ведь, бездетная вдова, тоже одна кукует. Чтобы им, двум сиротам, не поддерживать друг друга? «Я тебе квартиру отпишу, а ты за мной присмотришь на старости лет, девка ты, я смот-

рю, совестливая», – говорила тётя Тая, и Рита соглашалась: присмотрю. Раз больше нет у неё ни одной родственной души, кроме этой тётки, старшей сестры отца, то к кому же ещё прибиться! Вот только сперва продаст их с мамой квартиру...

Квартиру она продала совсем недорого – и город не обласной, и стены за три года так впитали мамину болезнь, что им требовался капитальный ремонт. Почти вся выручка у неё ушла на раздачу долгов: рассчитывалась с кредитами, которые пришлось брать на мамино лечение, и которые за три года разрослись, как снежный ком. Денег на дальнейшую жизнь оставалось совсем немного, и тут Ритке, видно, бог помог: она нечаянно нашла работу. Выловила в Интернете, что местный завод ищет помощника руководителя в московское представительство. Позвонила, поговорила, и – подошла. Понравился её диплом, тюменский стаж и знание двух иностранных языков.

Ритка очнулась. Оказывается, машина стоит, а она, задулавшись, пристально смотрит на пассажира кавказской наружности, сидящего в соседней «Ауди». Долго, наверное, смотрит – вон как разогрелся джигит, кивает ей, улыбается. В пробку они, что ли, попали?

– Мы что, застряли, да?

– Да, похоже, вся Тверская стоит, – водитель, дядька с пройдошливым лицом, озадаченно почесал в затылке. – Это в восемь-то утра! Хотя не удивительно – такой снегопад!

– А где мы? До Воздвиженки далеко? В какой она стороне?

– Пешком близко, минут десять идти, вон туда. А на машине – не знаю сколько простоем.

– Тогда я, пожалуй, выйду.

Ритка сосредоточилась и порылась в сумочке. «Интересно, когда рассосётся эта вялость? Забавно, как проводница всполошилась, всё просила проверить, на месте ли деньги и документы!» Она нашла тысячную купюру и протянула её водителю. Тот вернул семьсот рублей сдачи и объяснил:

– Не доехали ведь! А если бы в пробке стояли, я больше сотни бы потерял на бензине и вообще!

– Спасибо, – кивнула Ритка (Вот тебе и пройдоха!).

Она вышла из машины и, обогнув соседнюю «Ауди», – джигит радостно открыл дверь и кричал что-то вроде «Айда к нам, красавица!» – побрела домой. Место она узнала, ноги несли по дороге сами, а голова опять принялась перемешивать вялые мысли.

Удивительные всё-таки фокусы проделывает с ней судьба. Одной рукой отбирает, другой – одаривает. Отобрала папу, отобрала маму, отобрала тётю Таю, умершую в одночасье. А взамен одарила огромной квартирой в самом центре Москвы. И очень приличной работой в солидной фирме. Продажи оборудования в России, Англии и Германии, а теперь, похоже, еще и в Чехии. Пусть не совсем то, чем она занималась в прошлой, беззаботной жизни, но и должность лично-

го помощника генерального директора – вполне счастливый билет в жизненной лотерее. И работа ей нравится. Нравится переводить договоры на английский и немецкий, писать письма клиентам на «мыло», составлять рабочий график шефу, варить ему кофе. И шеф у неё подходящий, молодой, но серьёзный, без всяких там глупостей! Проверено: в этой поездке на выставку в Чехию он нуждался в ней только как в переводчике – у шефа английский всё-таки послабее, чем у неё. А потом шеф и вовсе оставил её одну доработать на выставке, доверяет, значит. И она ещё успела перед отъездом погулять по улочкам Праги, и обратно смогла, сдав билет на самолёт, уехать поездом. Так что шефа тоже можно считать подарком судьбы: корректный, деловой, невредный.

Ритка подошла к краю дороги и сосредоточилась. Вот он, её переулочек. А вот и дом её желтым светом окон маячит через пелену частых снежных хлопьев. Надо же, как поздно теперь светает. Рита быстро перешла через дорогу, машинально отметив, что окно на третьем этаже, похоже, горит на её кухне. Она даже голову задрала, чтобы проверить, но с узкого тротуара, впритык к входу в парадное, было не разглядеть. «Померещилось, наверное. Или я свет оставила», – решила она, набирая код. Домофон пискнул, пропуская.

Подниматься вверх по узкой лестнице сил не было и Рита, кивнув консьержке, – незнакомое лицо, новенькую, что ли взяли? – вошла в лифт, отразилась в зеркале, приложила пипку электронного замка к панели с кнопками и поеха-

ла на третий этаж, разглядывая своё отражение. Бледновата немного, хотя круги под глазами исчезли. И волосы, – она стянула шапку и тряхнула каштановой модно стриженной, хотя уже и обросшей слегка, копной – опять пышные. И бле-
стят.

Кажется, она отходит от всех ударов последних лет. И раз-
судьба взялась компенсировать ей эти удары, пусть уже по-
дарит встречу с любимым мужчиной, и тогда счёт «отня-
ла-одарила» сравняется. Ей ведь уже почти тридцать. Уста-
ла она жить одна. Семью она хочет. Может, тогда перестанут
ей сниться сны про стеклянную комнату. Может, тогда пере-
станут мучить приступы ночной тоски и безнадёги.

Рита подошла к двери своей квартиры и стала открывать
верхний замок. Он не поддавался. Было у него такое свой-
ство, если не до конца закрыто изнутри – не откроешь сна-
ружи. Но пустая ведь квартира! «Заело, что ли? Этого ещё
не хватало! Как же в сервисную службу звонить?» Она при-
нялась рыться в сумочке, отыскивая мобильник, и тут дверь
отомкнули. В дверях показался красавец с обнажённым тор-
сом.

– Ритка, привет! Ты так быстро добралась, я боялся, что
в пробках застрянешь! На метро доехала, да? Ну и умница!
Зря ты всё-таки отказалась, чтобы я тебя встречал, – радост-
но сказал полуголый красавец и потянулся к ней с поцелуем.

– Вы... кто? – отшатнулась она и попыталась испугаться.
Не получилось. Страх запутался в мутной паутине, всё ещё

забивавшей голову, где-то по соседству с вялым удивлением и блёклой мыслью «Какой красивый мужик!».

– Рит, ты что? Ты хорошо себя чувствуешь? – радость на лице красавца сменилась беспокойством. Он отступил вглубь квартиры и сделал приглашающий жест:

– Заходи скорее!

Рита зачем-то шагнула через порог, притворила за собой дверь и спросила, глядя прямо в серые, в черных ресницах, глаза.

– Кто вы? Я вас не знаю. Что вы делаете в моей квартире?

– Ритка, ты что? А, дошло! Это игра такая, да? Отвечаю: я Гриша, твой нежно любящий муж! И я тут живу, вместе с тобой, лучшей в мире женщиной!

Гриша аккуратно отнял у Риты сумку и пакет, поставил их куда-то в сторону, а потом сгреб её в охапку и приник к губам поцелуем. Она ощутила приятный, но чужой запах мужского тела, автоматически ответила требовательным горячим губам и вяло подумала. «Вот и мужчина. Вот и сравнялся счёт».

ГЛАВА 1

Вот это да, вот это сюрприз! Ритка торопливо расплатилась с таксистом и замерла возле сумок-чемоданов, разглядывая свой новый дом. «Вот это тётушка удружила! И хоть бы слово сказала, что квартира у неё в центре Москвы! Вон, даже Кремль отсюда виден! И до моего нового места работы, наверняка, рукой подать. Какой там адрес у офиса?» Она полезла за записной книжкой и ещё раз перечитала название улицы: Большая Грузинская. Интересно, там что, одни грузины живут? Рита тихонько хихикнула и набрала на домофоне номер тёткиной квартиры. Тот пропиликал раз тридцать, да и затих. Ну вот, нет никого! Хоть и звонила она тётушке три дня назад, говорила, что сегодня приедет, да надо было вчера ещё раз позвонить, напомнить! Ну да ладно, мало ли какие могут быть у старушки дела. Хотя старушкой тётю Таю назвать можно с натяжкой. Семьдесят четыре года, а энергии – на шестерых хватит. «Где-то тут у меня код был записан»... – она полистала книжку, отыскивая. Нашла, набрала комбинацию цифр, открыла дверь, втащила чемоданы в подъезд и застыла, озираясь. Однако! Стены парадного выложены плиткой под мрамор, возле лифта («Надо же! Дом в три этажа – и с лифтом!») – коврая дорожка, справа и слева от лифта – узкие мраморные ступени. Справа от входа – дверь с табличкой «Агентство недвижимости «Бриз».

Слева от входа – застеклённая будка, откуда выглядывает пожилая дама, похожая на Риткину школьную учительницу по географии.

– Здравствуйте! – кивнула Рита «географичке», собралась и потащила чемоданы к лифту. Так, тётушка говорила, что живёт на третьем этаже. Ритка нажала кнопку третьего этажа, но ничего не произошло. Лифт не работает, что ли? Это что же ей, по узкой лестнице и с чемоданами на третий этаж тащиться?

– Простите, а лифт что, не работает? – спросила она, вернувшись к будочке.

– Работает. У вас есть ключи от лифта? – строго глянула на неё поверх очков дежурная.

– Ключи? – Рита порылась в сумочке и вытащила связку. Толстый ключ, тонкий ключ и две забавные железочки-таблетки на пластиковых хвостиках, черном и сером. – Вот.

– Серый от лифта, чёрный от домофона, – объяснила «географичка». – Гнездо сразу под кнопками.

«Ключи от лифта, гнездо под кнопками. Странно тут всё у них», – она вернулась в лифт, поискала глазами. И точно – под никелированной пластиной с пятью кнопками («Интересно, почему с пятью? Этажей-то три!»), чуть ниже красного огонька, нашёлся кружочек с металлической блямбой. Ритка ткнула в него своей таблеткой на сером пластике, огонек под кнопками позеленел.

– Вы в четвертую квартиру, что ли, заселяетесь? Меня

предупреждали, что там жилец меняется! – крикнула ей из будочки «географичка».

– Нет, я в шестую, к Таисии Спиридоновне, – ответила девушка, нажимая на кнопку третьего этажа. Двери лифта закрылись, отсекая ещё какую-то фразу «географички». Невежливо получилось!

Да, в непрестом доме живёт тётя Тая. И подъезд в мраморе, и лифт в зеркалах. Идёт мягко, ход почти не чувствуется. После их облезлой провинциальной девятиэтажки с исписанными стенами, вонючим мусоропроводом и припадочным скрипучим лифтом здесь просто дворец какой-то!

Лифт раскрыл створки, Рита вытащила свои чемоданы, свернула направо и не угадала – оказалась у дверей пятой квартиры. И у каких дверей! – таких она раньше никогда не видела. Не обитые дерматином фанерки, похожие на торчком поставленные диваны. Не крашенные жестянки, имитирующие сейфовую неприступность. Нет, двери пятой квартиры были толстыми, деревянными, совершенно не крашенными. Только покрыты матовым лаком, который, подчеркивая красоту древесины, сообщал: хорошее дерево, дорогое. И никаких глазков. И медная кнопочка на косяке. Звонок, что ли? Интересно, у тёти Таи тоже такая дверь?

Рита подошла к квартире слева от лифта. Здесь дверь была другая. Такая же массивная, филенчатая, но выкрашена белой краской. Иностранная была дверь, будто перенесенная сюда из пятидесятих годов. Рита такие двери в старых филь-

мах видела. Возле верхнего замка («Тонкий ключ – к нему!») была приклеена бумажка. Она шла лентой от замка к косяку, как бы переkreшивая дверной край. На бумажке было написано позавчерашнее число и время: 11-30. Потом – неразборчивая подпись и синяя расплывшаяся печать.

– Так, девушка, вы кто и откуда?

Видимо, ключей от лифта у «географички» не было: она взобралась на третий этаж по лестнице и теперь переводила дыхание, сбитое то ли подъёмом, то ли волнением.

– Я племянница Таисии Спиридоновны. Я к ней переехала жить. Вы не знаете, почему дверь опечатана?

– Так умерла же Таисия-то! Позавчера умерла. Утром Тamarочка, соседка, зашла к ней, а та и остыла уже, – сообщила «географичка», с интересом наблюдая за Ритиным лицом.

– Как – умерла? – не поверила Ритка. – Я же звонила ей в воскресенье вечером! Она в порядке была, и голос был бодрый!

– Ну а в понедельник утром сердце остановилось! Что удивляться, в её-то возрасте! Хорошо, что бог дал лёгкую смерть, без болезни, без немощи! Раз – и всё!

– Раз – и всё... – тупо повторила Рита. Что же это такое? Только ведь маму схоронила, а тут тётя Тая раз – и всё.

– А где она? Её же хоронить надо?

– А это вы у Тamarочки спросите, она с Таисией хлопотала. У неё и ключи от квартиры остались. Сейчас позову!

«Географичка» подошла к пятой квартире, позвонила в

великолепную дверь, дождалась, пока её открыли, и сказала:
– Здравствуй, Тамарочка! Тут к Таисии племянница приехала, выйди, поговори!

– Племянница? Откуда это у Таисии племянница взялась?
Из пятой квартиры вышла хмурая женщина лет за сорок. Полноватая, в простом халате в синий цветок и клетчатых тапочках с серой опушкой, она как-то не вязалась с шикарностью двери. Ни шика, ни блеска, ни солидности. Не женщина, а тётка.

– И что за сказки, девонька, ты нам тут рассказываешь? У Таисии нет никого, одинокая она, – обличающее спросила тётка, вперив в Риту цепкие тёмно-карие глаза.

– Таисия Семёновна – моя тётя, старшая сестра моего отца. Вот, если не верите, посмотрите!

Рита достала из сумочки паспорт и протянула его, но не Тамарочке, которая уже потянула руку (слишком хищным показался Рите её жест), а «географичке». Та, по крайней мере, взирала на происходящее с любопытством, а не с враждебностью.

– Видите, я Зубова Маргарита Ивановна. А тётя Тая – Зубова Таисия Спиридоновна.

– Да, действительно, – покивала «географичка» – всё сходится.

– Сходится – не сходится... Всё равно без милиции нельзя печать снимать! – не унималась соседка.

– Почему нельзя? – удивилась Ритка. – Это же моя квар-

тира!

– Ну, положим, твоей она станет через полгода, если в наследство вступишь, – задумчиво сказала Тamarочка

– А разве надо вступать? Тётя Тая мне её подарила! Надо? – спросила Рита опять у «географички», и та участливо ответила.

– Если дарственная есть, то не надо. Только собственность надо зарегистрировать!

– Анна Макаровна, а тебе не попадёт, что тебя так долго внизу-то нету? Ты ведь уже минут пятнадцать как здесь топчешься-то! – спросила Тamarочка, и «географичка» подхватила:

– Ой, точно! Не дай бог, менеджерша из «Бриза» домоуправу наябедничает, что консьержки нет!

Она заспешила вниз по лестнице, а Ритка, которой надоела вся эта говорильня на лестничной клетке, принялась открывать дверные замки. Верхний на два оборота вправо, нижний на три оборота влево. Затем потянула створку на себя, и та открылась, прорвав бумажку точно посередине печати.

– Скажите, а куда тётю отвезли? Ну, тело. Надо же похороны организовать, – спросила Рита Тamarочку, которая наблюдала за её манипуляциями со странным выражением лица. То ли с досадой, то ли с недоверием.

– Сделано уже всё. Кремировали её. Вчера.

– Как кремировали? А почему так быстро?

– Потому что не знали, что у неё племянница есть. Никому почему-то твоя тётя Тая про тебя не сказала.

– А... прах куда дели?

– Не знаю куда. Иди в крематорий, спрашивай, родственница.

Это «родственница» прозвучало так презрительно, что Ритка, наконец, вспылила:

– Послушайте, как там вас! Тамара? Вы почему так со мной разговариваете, Тамара? У меня родная тётя умерла, а вы смотрите на меня, как на воровку! Говорю же вам: тётя Тая – моя тетка. Родная. Квартиру эту она мне подарила. И что бы вы там себе не придумали, теперь здесь живу я!

«Потому что жить мне просто-напросто больше негде. И опять нужно самой решать, что мне теперь делать!» – мысленно добавила она, решительно хватая чемодан и перетаскивая его через порог. Потом, вспомнив, опять повернулась к Тamarочке, которая по-прежнему наблюдала за её передвижениями.

– Скажите, сколько я должна вам за хлопоты с кремацией? И отдайте мне ключи от моей квартиры!

– За хлопоты с тебя ничего не возьму, мы с Таисией Спиридоновной дружили, да и собес денег дал, – сдалась Тамарочка. – А ключи я сейчас принесу.

Она скрылась за своей дверью, а через пару минут, когда Рита уже втащила в квартиру второй чемодан и сняла пуховик, позвонила и протянула через порог связку из двух клю-

чей.

– Вот, держи. Вторая связка у участкового. Я позвоню ему, скажу, что у Таисьи родственница объявилась. Пусть придёт, принесёт. Заодно познакомится и вообще... документы проверит.

Рита устало кивнула, притворила дверь и прошла в квартиру как была, в обуви. Все равно полы мыть. Светлый паркет был испятнан чьими-то следами. Наверное, тех людей, кто без неё нашёл умершую тётю Таю. Всё, больше в её жизни умирать некому, разве что ей самой.

**

– Ритка, ты не представляешь, как я рада видеть тебя вживую, а не читать твои письма в этом дурацком «мысле»! Слушай, так быстро тебя нашла, сама не ожидала! Иду, а сама прямо изнываю от нетерпения: какая же теперь у Ритки квартира? Слушай, ну шикарно ты устроилась, шикарно! Совсем рядом с метро живёшь! И Кремль, можно сказать, из окна виден. Слышно, как куранты бьют?

– Иногда слышно!

Майка, давняя задушевная и, пожалуй, единственная её подруга, была прежней: шумной, яркой, весёлой. Позвонила два часа назад на мобильный – «Ритка, я в Москве, как тебя найти?» – и теперь носится по квартире живым смерчем. Прошло больше года с тех пор, как они виделись, хотя словно и не разлучались: общались через электронную почту и знали друг про друга всё-всё-всё.

– Ну, Ритка, ну, молодец! Ну, ты устроилась! – резюмировала Майка, обегав все сто двадцать метров новой Риткиной жилплощади. Везде любопытный нос сунула – и в ванную с огромным окном, и в кладовку размером с приличную комнату, и на антресоли, где пылилось тёткино барахло, а у Риты за неделю всё никак руки не дошли разобрать. И не поленилась же, егоза, стремянку ставить, под трёхметровый потолок лезть! Наконец подруга осела на кухне у круглого стола под белой кистистой скатертью («А на кухне-то скатёрку и занавесочки надо бы поменять!») и потребовала «чаю и зрелищ»:

– Давай, Ритка, рассказывай с самого начала, как ты москвичкой стала!

– Май, ну я же писала тебе!

Ритка аккуратно нарезала маковый рулет, разложила его на блюде и прикинула, чего ещё им для полного счастья не хватает. Чернослив, курага, Майкина коробка конфет и её же бутылка сухого красного, сервелат в тонкой тети Таиной тарелочке. Сырку еще подрежет, и можно начинать, пока курица в духовке дозревает.

– Мало ли что ты писала! Вернее, писала ты много чего, но я хочу послушать. Из первых уст! Рассказывай!

– Ну что рассказывать, – Ритка налила чаю в чашки и села к столу. – Мама умерла на следующее утро, как меня бросил Гришка. Знаешь, я даже на помощь его рассчитывать не смогла... Позвонила, наткнулась на эту цацу, ну, я писала

тебе, которую в квартире у него застукала, та сказала, что нет у меня гордости, и трубку бросила... Знаешь, я так разозлилась на них, у меня аж второе дыхание открылось!

– По-моему, двести двадцать второе!

– Не знаю. Смогла, в общем, как-то обзвонить нужные конторы, а потом и тётя Тая приехала, выстроила всех этих шкуродёров.

– А откуда она взялась, твоя тётя Тая?

– Да я мамины бумаги разбирала, чтобы друзьям её и знакомым о смерти сообщить – Мария Сергеевна, сиделка, сказала, что так положено. Ну и нашла в старой книжке Зубову Таисию Спиридоновну. Папину сестру. Я слышала про неё, знаю, что она старше папы на пятнадцать лет и в сильной ссоре с ним была. Мама никогда подробно про неё не рассказывала. Я даже думала, что тётка умерла уже, семьдесят четыре года всё-таки. Но дала телеграмму в Москву на всякий случай. А она приехала. И, представляешь, так смогла всё устроить, что цены на похороны втрое меньше стали. А у меня тогда денег почти не осталось, я ползарплаты за кредит отдала. Мне тётю Таю будто бог послал, она и денег привезла, и квартиру подарила.

– Слушай, с квартирой – вообще фантастика! Сказка! – восхитилась Майка. – После всех твоих ужасов появляется богатая тётушка и делает тебя наследницей!

– Да никакая она не богатая, – остудила подругу Ритка. – Она меня к себе жить позвала, чтобы я за ней присматрива-

ла. А квартира ей от мужа-профессора осталась. Он у неё был какой-то крупный специалист в авиации. Мне тётушка рассказывала, что муж любил её очень, они сорок лет прожили душа в душу.

– А с отцом твоим тётка отчего рассорилась?

– Ты знаешь, я не успела её толком расспросить. Я думала, приеду, поселюсь, обо всём спрошу! А она умерла...

– Помню, ты писала, что с тёткой твоей инфаркт случился!

– Да. Так неожиданно. Вроде крепкая была, на похоронах так хлопотала – на троих энергии хватило бы.

– Может, к лучшему, что бог прибрал? – подпёрла щёку кулачком Майка. – А то знаю я таких старушек – замордовала бы тебя своей энергичностью.

– Майка, ну как ты можешь так говорить! – всплеснула руками Ритка. – Это же моя последняя родственница была!

– Прости, я, как всегда, цинична, – смутилась подруга. – Слушай, может, это смерть твоей мамы её подкосила? Знаешь, так бывает: человек держится-держится, а потом, раз – и разрыв сердца.

– Может быть. И тётя Тая почему-то никому не сказала, что я сюда переезжаю. Знаешь, какой переполох я тут подняла, когда вселилась!

– Ну вот, я же говорю, что всё к лучшему – тётка твоя, похоже, уже в маразм начинала впадать! – махнула рукой Майка и тут же сменила тему, заметив Риткино неудовольствие

– Так что там с переполохом?

– Тamarочка, соседка, решила, что я – квартирная аферистка. Она даже участкового на меня наслала, чтобы документы проверил! Ты чай-то пей, остыл уже, наверное.

– Я пью. Что за соседка? Какая-нибудь стервозная баба, наверное? – поинтересовалась Майка, засовывая в рот конфету.

– Я тоже сначала думала, что стервозная, а она неплохая тётка оказалась. Знаешь, как помогла с тётъ Таинным погребением! Она ведь её без меня кремировала, думала ведь, что родственников нет. Все-все бумаги оформила, с крематорием договорилась и денег с меня не взяла! А что в штыки встретила, то это потому, что бдительность проявляла, думала, что я мошенница. Действительно ведь, если со стороны посмотреть, странно выходит. Умирает одинокая старушка, и вдруг появляется наследница, новая владелица квартиры в центре Москвы!

– И какой квартиры! Это ж сколько денег она стоит! – зажурилась, прикидывая, Майка.

– Миллион долларов, как минимум. Я когда в регистрационную палату ходила, специально всё выяснила.

– А зачем ходила? Квартиру оформлять?

– Нет, копию свидетельства брала. Тётя Тая ведь, оказывается, и квартиру на меня зарегистрировать успела. А я всё удивлялась, зачем ей от меня генеральная доверенность!

– А зачем тебе копия?

– Я оригинал не нашла, хотя перерыла тут всё, пока порядок наводила. Наверное, бумагу прихватили с остальными её документами, когда тело забирали. Разве теперь найдёшь?

Майка кивнула, соглашаясь, и спросила задумчиво:

– Слушай, а что ты с квартирой делать теперь будешь? Тут же ремонту требуется – уйма! Может, продашь, раз она таких деньжищ стоит, купишь себе что-нибудь поновее и попроще? И деньги останутся.

– Может быть когда-нибудь и продам. А сейчас не до того мне. И, знаешь, мне совсем не мешает, что квартира такая... старомодная. Уютно здесь. И интересно, как в пещере с сокровищами. Я тут и безделушки всякие нашла, и фотографии старые, где папа маленький, и где тётя Тая молодая совсем. Знаешь, мы с ней молодой похожи очень! И глаза, и овал лица, и фигура... Я и письма нашла от её профессора, почитала, не удержалась. Майка, какая же там любовь – сердце переворачивается!

Ритка мечтательно вздохнула, и Майка покивала, примерно представляя, о чём сейчас думает подруга. А Ритка думала о красоте. О своей внешности, с которой, как она считала, ей не очень повезло. С лицом ещё можно смириться – пусть не суперкрасавица, но ничего так, миловидная. Рот небольшой, чётко очерченный, глаза, если подкрасить, очень даже выразительные. Кожа, опять же, чистая, матовая, не нужны ни пудра, ни тональный крем. Но вот фигуру свою Ритка принять решительно не могла. Девушка-гитара какая-то!

Плечи покатые, попа большая, пока юбки-брюки подберёшь, намучаешься: то в талии широко, то в бёдрах узко. Разве такие формы нынче в моде? И тюменский Павлик-зануда, который весь их годичный роман намекал, что неплохо бы ей последить за фигурой, и рязанский Гришка, так резко оборвавший их отношения, только подтвердили то, что Рита и без них знала: она не красавица. И если заметит её какой мужик – можно считать, что ей повезло.

А тут, прочитав письма от тётиного профессора – нежные, теплые, искренние – Ритка вдруг подумала, что и Пашка, и Гришка – не её мужчины были. А когда встретится её – будут и у неё такие письма. И такие чувства. Она ещё раз вздохнула, возвращаясь мыслями к столу, и сказала:

– Мне тепло в этой квартире, душевно, понимаешь? Почти как у нас дома в Тюмени было. Такое дороже всяких денег! Кстати, о деньгах!

Ритка поднялась, ушла в комнату, порылась в ящике секретера и вернулась с пачкой тысячерублевых в руках.

– Вот, возвращаю свой долг. С процентами!

– Ты что, очумела? – отшатнулась Майка. – Какие ещё проценты? Я тебе, как подруге, денег дала, а ты – проценты! Ошалела, что ли, после этих своих кредитов?

– Май, погоди! Ну что ты, в самом деле! Я в том смысле, что ты мне одолжила пятисотками, а я возвращаю тебе тысячными. Вот, держи!

Она протянула деньги, подруга взяла.

– А тебе они точно не нужны?

– У меня осталось кое-что от продажи маминой квартиры.

И зарабатывать я теперь хорошо буду. И командировочные мне дали. Бери.

Майка спрятала купюры в сумочку и собралась о чём-то спросить, даже вдох сделала, но не успела. В дверь позвонили и отвлекли.

В дверях стояла Тamarочка с кипой золотистых блинов на плоской тарелке.

– Ритусик, здравствуй, дорогая! А я к тебе на огонёк! Можно? Блинов напекла гору, одной есть тоскливо, мой Толик-паразит звонил, что не приедет сегодня. Поможешь с блинами-то?

«Ой, не ко времени она! Ну да ладно, не хлопать же перед ней дверью!» – мысленно поморщилась Рита и пригласила:

– Проходи, Тamarочка, знакомься. Это Майя, моя подруга детства.

– Тамара, – представилась Тamarочка, поставила блины в центр стола, села сбоку от Майки и спросила, разглядывая её сорочьим любопытствующим взглядом:

– А вы теперь тоже тут жить будете?

– Нет, я здесь ночевать буду!

Майка скрутила самый верхний блин, понюхала:

– Вкусно пахнут! Ванилью! У меня мама тоже ваниль в блины кладет!

– Да? А ваша мама тоже в Москве живет? – продолжала

расспрашивать её соседка, на этот раз наблюдая за узкими пальцами с безупречным перламутровым маникюром. Скрученный блин казался в них мышью в когтях коршуна.

– Почему – в Москве? Моя мама тоже в Тюмени живёт, – сообщила Майка, откусывая от «мыши».

– Так вы из Тюмени! – оживилась Тamarочка. – А к Риточке, значит, погостить приехали? В отпуск? Надолго?

– Погостить, – кивнула Майа. – А отчего столько вопросов?

– Ну, так, – спохватилась Тamarочка и отвела глаза, – для поддержания разговора...

– Май, а правда – ты надолго? – спохватилась и Ритка. – Я ведь завтра в командировку с шефом лечу, в Прагу, в обед самолёт.

– Ты – летишь? Самолётом? – не поверила подруга. – Ты же в принципе не летаешь!

– Не летаю, а придётся, – вздохнула Ритка. – Не стану же я шефу объяснять, что боюсь самолётов до обморока. Ничего, наглотаюсь каких-нибудь транквилизаторов, от тётки Таи полная аптечка осталась, продержусь пару часов. Но я ненадолго, на три дня всего, на выставку. Ты можешь тут пожить пока, дожدهшься меня. И за квартирой присмотришь!

– Знаешь, я бы с радостью у тебя тут зависла на месячишко, – сказала Майка, рассматривая надкусанный блин. – Но, как пела Таня Буланова, «Всего одна лишь только ночь у нас с тобой». Я завтра тоже уезжаю!

– Как – уезжаешь? Куда? Маечка, мы же с тобой почти полтора года не виделись! – всплеснула руками Ритка. А она-то надеялась, что подружка хотя бы ненадолго скрасит её тоскливое одиночество! И что через Майку к ней на какое-то время вернётся их общее прошлое, в котором было столько хороших моментов. Например, та дискотека, где Майка ора-ла под караоке эту самую песню Тани Булановой. Пела фальшиво, но громко. И получила шоколадную медаль за сме-лость и артистизм! Весело тогда было! И мама была жива. И отец.

– Уезжаю я, Ритка, в джунгли, в экспедицию. Грант полу-чила, буду свою муху изучать!

– Получила-таки? Майка, ты умница, поздравляю! – ки-нулась Ритка на шею подруге и объяснила жующей Тамароч-ке, с любопытством взирающей на происходящее:

– Майка у нас учёный-энтомолог, насекомых всяких изу-чает. А по этой своей мухе докторскую пишет. Как она там у тебя называется?

– Неважно как, – отмахнулась подруга. – Важно, что я прибилась к американской группе и к их гранту на исследо-вания. Питер, голубчик, пособил. Ну, ты помнишь, Питер Мяги из института в Сан-Антонио? Я писала тебе!

– Писала-писала. Только и делаем, что переписываемся! Ладно, будешь писать мне из твоих джунглей!

– Это вряд ли. В джунглях Интернета нет, связь только через спутник. Дорогущая – жуть! Только для экстренных

случаев. Поэтому, Ритка, раньше чем через месяц писем не жди.

– Девочки, у меня тост! – провозгласила Тamarочка, которой надоело сидеть без дела. Она, оказывается, уже разлила вино по тонким бокалам и стучала ножом по своему бокалу, привлекая внимание.

– Давайте выпьем за всё хорошее! За Маечкину муху с диссертацией! За Риточкины успехи! И за моё желание!

– А какое у вас желание, Тамара? – спросила Майка, отхлебнув из своего бокала.

– Не скажу! Вдруг не сбудется! И, Маечка, давайте уже на ты! И давайте по второй выпьем! За счастье в личной жизни!

– Разливай, – согласилась Майка и подмигнула Рите. – Для полного счастья дай Бог, Ритка, тебе мужика хорошего, а не такого козла, как этот Гришка!

– А кто это, Гришка? – заблестела глазами Тamarочка, и Майка отмахнулась, поясняя:

– Да мужик её непутёвый!

– Май, а у тебя-то самой, что с личной жизнью? – быстро спросила Рита. Обсуждать Гришку при Тamarочке не хотелось.

– Всё в порядке! Самцы роями кружатся. Тучами, можно сказать!

– Пра-авда? – протянула Тamarочка, оценивающе оглядывая Майку. Короткая, почти мужская, супермодная стрижка, прямые плечи, небольшая грудь, узкие бёдра, длинные но-

ги. Глаза синие, холодные, ресницы загибаются. И брови дугой. Точ-в-точь – красotka из какого-нибудь журнала: кожа да кости, нормальному мужику подержаться не за что. Над чем там кружиться-то?

– Правда? Расскажи! – эхом откликнулась Рита. А Майка посмотрела на их лица, скептическое Тamarочкино и оживлённое Ритино, и расхохоталась.

– Да я это о насекомых своих! А вы что подумали? Что о мужиках, что ли? Нет, дорогие мои, до мужиков пока руки не дошли – времени нет ими заниматься!

– А чего ими заниматься, – пробурчала отчего-то обиженная Тamarочка. – Если женщина стоящая, они сами летят, как мухи на... сами знаете на что.

– Ой, Тamarочка, не надо мне, чтобы на меня летели, как мухи на говно, – лениво и с некоторым превосходством ответила Майка. – И того, и другого в моей жизни и так хватает. Мужика хорошего найти надо, выбрать, воспитать.

– Да? А если ты его выберешь, а он тебя – нет? – спросила Ритка, живо вспомнив Гришину физиономию, когда он говорил, что между ними всё кончено.

– Не выберет? Меня? – повела бровью подруга, и Ритка спохватилась. Действительно, о чём это она? Да за Майкой мальчишки с седьмого класса ходили! Даже удивительно, что она отмахивается от ухажёров, что в науку свою ушла с головой.

– Пусть только попробует не выбрать! Если мужик мне

понадобился – никуда он, голубчик, не денется! – решительно сверкнула глазами подруга. – Только на это время нужно. И силы. А мне пока некогда.

– Ну ты даёшь, девушка, – покачала головой Тamarочка. – Мужика, будто муху какую, отлавливать собираешься. А потом его куда? На булавку?

– В совместное светлое будущее! – рассмеялась Майка, с вызовом взглянув на Тamarочку, и соседка не стала спорить:

– Вот и давайте выпьем за нас, хороших!

ГЛАВА 2

– Что-то не понравилась мне твоя соседка, – сказала Майка два часа спустя, когда уже и вино было почти выпито, – оставшиеся полбутылки «Киндзмараули» Рита спрятала в холодильник – и блины съедены, и курица, чуть было не пережжённая в духовке, поглodана. И Тamarочка, поднадоевшая назойливыми расспросами про их с Майкой тюменское детство, домой отправлена. Майка улетала утром рано, вставать надо было в шесть, но подружки, хоть и улеглись уже, всё не засыпали.

– Почему не понравилась? Очень славная тётка, – не согласилась с подругой Рита. – Встретила меня в штыки, а потом сама же и мириться пришла. Мол, если бы знала, что у тёти Таи есть племянница, обязательно бы мне о смерти сообщила. Говорит, что помогала тётке по хозяйству, за квартирой присматривала.

– Вот-вот, такие заботливые только и мечтают, как бы оттяпать квартиры у одиноких старушек, – хмыкнула Майка. – Вот бесилась, наверное, что ты объявилась! Тут в Москве, я читала, с квартирами целая мафия орудует. Слушай, а может эта Тamarочка – какая-нибудь мошенница? Какая-то она подозрительно облезлая для такого дома. Везде мрамор, ковры, зеркала, а она выглядит, как домработница.

– А она и есть домработница. В пятой квартире какой-то

дипломат живет, он с семьёй в Лондон уехал на полгода, а Тamarочку оставил за квартирой приглядывать. И прекрати ты эти свои фантазии! Никакая она не мошенница, тётя Тая ей колечко подарила, так Тamarочка пыталась мне его вернуть!

– А ты не взяла, конечно?

– Нет, оно всё равно мне большое! Размер восемнадцатый, наверное!

– А у тебя?

– Шестнадцатый. Так что колечко пусть Тamarочка носит. Нет, правда, она славная тётка! Компанейская. Развлекает меня иногда, в гости забегает. Я же тут в Москве пока не знаю никого. На работе народ доброжелательный, но дистанцию держит. Соседей, кроме Тamarочки, тоже больше нет вменяемых. На первом этаже офисы, на втором в одной квартире живут иностранцы какие-то. Немцы, кажется. Вторая квартира пустая пока стоит.

– А с работой у тебя что? Как фирма-то называется?

– «Измерин»

– Из чего мерин?

– Майка, не издевайся! Никаких меринов, компания измерительной аппаратурой занимается. Монометры там всякие, контроллеры для котлов, для трубопроводов. По всей стране, по всей Европе торгуем, между прочим!

– Всё хорошо, значит, у тебя складывается, если неделю всего работаешь, а уже в Прагу едешь!

– Да вроде хорошо всё. Там начинается международная выставка, шеф надеется новых покупателей найти, договоры заключить. Меня с собой берёт для поддержки.

– С этого места поподробнее! В деталях! – оживилась Майка.

– Что за шеф, сколько лет? Симпатичный? Перспективный?

– Майка, прекрати. Я буду ему во время переговоров переводить и документы на английском составлять. И всё!

– Правда, что ли, всё? – скривилась подруга. – Так не интересно! Я думала, ты мне расскажешь про зарождающуюся роковую страсть...

Рита рассмеялась, представив серьёзное сосредоточенное лицо шефа:

– Нет, Майка, от этого страстей не дождешься! Официален, сух, деловит. Параграф, а не мужик! А мне и лучше, я ведь работать пришла, а не спать с ним. А страстей захочется, телевизор посмотрю. Или Тamarочкины рассказы о её Толике-паразите послушаю!

– И всё-таки не понравилась она мне, – не сдавалась Майка. – Вроде смотрит, улыбается, а спиной к ней поворачиваться не хочется.

– Ну и не поворачивайся! Ты, по-моему, просто ревнуешь, что я с ней подружилась. Не ревнуй, ты – подруга номер один. Навсегда.

Подруги никак не засыпали, всё болтали. Говорили о про-

шлом, вспоминали Риткиных родителей. Вспомнили, как папа на её день рождения водил девчонок в кафе-мороженое, разрешил заказать, сколько хочешь, но чтобы всё съели! И они заказали по двести граммов пломбира, объелись уже на половине порции, и потом с месяц не могли на мороженое смотреть. Или как к восьмому марта они решили испечь для мам пироги. Начали с Риткиной мамы, и та, попробовав подгоревший и воняющей содой корж с вареньем (Майка перепутала и насыпала соды столовую ложку с верхом), похвалила стряпух. А потом вместе с ними испекла кекс для Майкиной мамы, и позвала Майкиных родителей в гости, и они пили чай вшестером. Майкин и Риткин отцы расхваливали девчонок, и те сидели гордые и уверенные, что это у них так всё отлично получилось. А мама просто немножко помогла.

Потом вспомнили, как Майка полтора года назад в гости приезжала, оказавшись по случаю в Москве и махнув к Ритке. А что, после тюменских расстояний до их города от Москвы три часа езды – «Да не вопрос»! Это Майка так говорила, когда хотела закрыть ясную для неё тему. Хотя там, в пропахшей болезнью квартире, даже искромётная Майка пригласла, поутратила задор, поскорее утащила Ритку в кафешку, сунув деньги сиделке Марии Сергеевне. («Майка, ты что, не надо!» «Да не вопрос, подруга. Заработала, могу себе позволить!»)

А потом, в кафешке, она пичкала Риту пирожными, чёрным кофе, и ликёру купила вишневого, и по руке её гладила

всё время. А потом разревелась, обняв подругу и причитая: «Ритка, ну как же так, ну что же делать-то теперь, а?» А та гладила Майку по голове напряжённой рукой и успокаивала: «Ничего, ничего, я справляюсь. И Мария Сергеевна мне помогает!» Не могла она тогда реветь вместе с Майкой. Если бы разревелась, растеклась бы мокрой лужею, то вряд ли удалось бы ей собраться обратно. Майка, видно, что-то такое почувствовала, потому что быстро прекратила реветь и, пошмыгивая распухшим носом, вручила Рите толстенную пачку пятисоток: «Вот, на лекарства. Я премию получила за последние исследования. И не вздумай отказываться». Рита и не вздумала. Долгая болезнь матери сожрала все их тюменские накопления, и она уже влезла в долги, взяв в местном банке грабительский кредит под сорок процентов годовых.

– Слушай, повезло всё-таки тебе с этой квартирой, правда? – сказала Майка сонным уже голосом.

– Да, повезло. Я и не мечтала, что буду в центре Москвы жить. Может, после своих джунглей поживешь у меня хоть немного? – спросила Рита.

– Да не вопрос, – пробормотала подруга и затихла. Заснула, наверное. А Ритка так и не заснула. Она вспоминала родителей и чувствовала, что сегодняшний Майкин визит будто расшатал в ней какую-то плотину, и что теперь она сможет вспоминать отца и думать о маме без чувства безвозвратной, окончательной, неисправимой потери.

Ритка так и проворочалась, отсчитывая далёкие удары курантов, пока к ним не присоединился звонок будильника. Потом хлопотала с ранним завтраком, вызывала для Майки такси («Буду я ещё до Шереметьево на всяких метро-автобусах добираться! Опоздаю на самолёт – вся экономия боком выйдет!»), потом сама собиралась, наспех кидая в сумку всё, что не успела собрать вчера, отвлечённая Майкиным визитом. Самой Ритке платить за такси восемьсот рублей было жаль, поэтому она вышла из дома в восемь, за четыре часа до вылета, добралась в метро до «Павелецкой», потом ехала в скоростной электричке до Домодедово – надо было успеть заранее, билеты-то у неё! Потом встречала шефа, потом проходила регистрацию. И только потом расслабилась. Всё, успела!

– Рита, до посадки еще больше часа, я предлагаю сходить в кафе, перекусить, – сказал шеф. Произнёс первую фразу за всё время, если не считать «здравствуйте» и «пойдёмте».

– Пойдёмте, – отозвалась Рита. Есть действительно хотелось.

Они зашли в какую-то выгородку: часть зала была обнесена забором-плетнем, поверху натканы пластмассовые подсолнухи и пара крынок. Внутри – несколько столиков, в углу – телега с горшками и тарелками. В тарелки горкой навалены всякие салаты-винегреты. Какой-то пожилой господин накладывал себе из горшка варёный картофель.

К столику подскочил официант, одетый в косоворотку,

эдакий добрый молодец. И положил перед ними две папочки в обложках, оформленных под бересту:

– Пожалуйста, меню!

– Рита, вы хотите заказать что-нибудь горячее? – спросил шеф. – Или предпочтёте телегу?

– Телегу? – не поняла Ритка.

– Ну вон, видите, где закуски расставлены. Можно подходить и набирать всё, что нравится. Или горячее закажем?

– А мы успеем до самолета? – засомневалась девушка. – Меньше часа до вылета осталось, а нам ещё таможеню проходить.

– Действительно, – согласился шеф и распорядился: – две телеги и два кофе... Вы же кофе будете?

– Буду, – кивнула Рита, которой стало всё равно, что пить. Она вдруг отчётливо вспомнила, что оставила свои транквилизаторы в ванной на полочке. И как же она будет лететь без таблеток?

– Одну минуточку, – слегка поклонился «добрый молодец» и исчез. А шеф достал из портфеля газету и спросил, разворачивая страницы:

– У вас что-то случилось?

– Нет. Почему вы так решили?

– Вы побледнели, и у вас глаза застыли.

– А, это... Я вспомнила, что не взяла успокоительное. Я очень, просто панически, боюсь летать.

– Да? – повел на неё бровью шеф и уткнулся в свою газе-

ту. А когда официант принес приборы и две пустые тарелки попросил:

– И принесите ещё пятьдесят граммов коньяку. Пойдёмте, Рита, посмотрим, что они там наготовили.

Он первым поднялся из-за стола, отправившись к телеге с горшками. Рита поплелась следом и безучастно оглядела русскую версию «шведского стола»: капуста свежая, капуста квашенная, огурцы, помидоры, зелёная редька с какими-то сухариками, грибы, ещё какие-то салаты наструганы, селёдка. В горшках – картошка и гречневая каша. Есть ей совершенно расхотелось – желудок сводило от ужаса предстоящего полёта.

– Ну что же вы? Выбирайте! – посмотрел на Риту шеф. Он уже выкладывал на тарелке натюрморт из картошки, селёдки, огурчика и винегрета. Рита из вежливости тоже положила себе на тарелку полкартошечки, половинку помидора, измазанного тертым сыром с майонезом, и три крупные черные маслины («Тоже мне, русская кухня, с маслинами!»).

– А теперь пейте, – велел шеф, когда они вернулись за столик, и указал на стопочку с коньяком, которая повилась на столе, пока они бродили вокруг телеги.

– Спасибо, я не пью...

– Рита, пейте. Это приказ. И лекарство. Я совсем не хочу привезти в Прагу полуобморочное тело личного помощника, – властно глянул шеф. И Ритка залпом осушила стопочку, как микстуру приняла.

Коньяк ожёг горло, а затем жарко растёкся внутри, и она быстро принялась заедать его маслинами, картошкой и помидором. Минут через десять коньяк добрался до головы, стало жарко и там. И когда они с шефом прошли таможенную и вошли в самолёт («По трапу-коридору, прямо из аэропорта, вот здорово!»), Рита уже и не вспоминала ни про какую панику. Она отчаянно хотела спать. И весь полёт до Праги мирно продремала в просторном кресле бизнес-класса, пропустив улыбки стюардесс, шампанское и канапэ с сёмгой. Проснулась она от толчка шасси о взлётно-посадочную полосу Пражского аэропорта и только собралась испугаться, как самолёт уже замедлил ход и начал выруливать на «парковку».

**

Ох, и навкалывалась она за эти дни! Ритка в одиночестве сидела за небольшим деревянным столиком и смаковала вишнёвое пиво. Не удержалась, заказала. Думала, для экзотики, а вышло – для души. Вкусно очень, в Москве такого пива нет! Хотя, кто его знает, может и есть. Она же из всей Москвы пока только по Красной площади да по Александровскому саду гуляла. И по Большой Грузинской улице, от метро до офиса. А вот такой штукой, – Рита отломил кусочек жаренного в панировке сыра – она угостит Майку, когда та приедет к ней в следующий раз. Закуски Рита тоже выбирала наугад, зачитываясь меню, как поэмой: оленина, утка, вепрево колено, чесночный суп... Больше всех ей

онравилось название «смаженный гермелин», его и попросила. Оказалось, сыр. Жареный. Вкусный.

Выставка стала для неё настоящим боевым крещением. Не выставка – целая ярмарка отопления, вентиляции, измерительной, регулировочной, санитарной и бог ещё знает какой техники. К концу второго дня у Ритки от напряжения и суеты рябило в глазах и кружилась голова. Русские, английские, немецкие, чешские и французские слова («Шеф прилично говорит по-французски, надо же!») смешались в какое-то эсперанто, а сама она превратилась в робота-переводчика, выдававшего фразы с её саму поражающей скоростью. В первый вечер она пришла в отель совершенно выжатой, прилегла полежать до ужина и элементарно вырубилась. Спала как убитая, не слышала звонков с ресепшн и проснулась утром только от того, что горничная барабанила в дверь. Во второй вечер было чуть легче, она и ванну сумела принять, и поужинала внизу в ресторане, уже почти не обращая внимания на паузы за столом – молчание шефа перестало её тяготить, привыкла. И даже прежде, чем уснуть, она нашла силы полюбоваться с балкона вечерним Градкани.

Да, шеф у неё – кремень. Ни суета, ни люди, ни многочасовые переговоры – ничего его не берёт. Подтянут, сух, деловит, ироничен. Рита улыбнулась, вспомнив Майкины намёки на их с шефом роман. Какой там! В этом режиме можно крутить только один роман – с работой. И со вчерашнего дня она крутит его самостоятельно. Шефу пришлось уле-

теть раньше на сутки, оставив её дожидаться бумаг от германской фирмы. Он решил, что так надёжнее, чем получать документы с курьерской службой. А она и не возражает! Конечно, лучше – бумаги Ритка получила ещё до обеда, и вся вторая половина дня у неё осталась на знакомство с Прагой. И авиабилет шеф ей разрешил поменять на железнодорожный. Удобно у них тут всё устроено – попросили на ресепшн, доплатили немного, и всё сделано. Так что обратно она едет поездом. Сегодня в ночь. У неё есть время ещё немного побродить.

В зале зазвучала задорная мелодия, и девушка оглянулась на звук. Трио, наряженное в национальные костюмы, терзало скрипку, кларнет и тромбон. На тромбоне, смешно надувая щеки, играла дама средних лет, на остальных инструментах – мужчины, старый и молодой. Музыканты были забавными, однако их музыка сбивала Ритку с романтической задумчивости. Этот настрой жаль было отпускать, и она решила уйти. Подозвала официанта, рассчиталась и вышла на уже тёмную улочку, расцвеченную вечерней иллюминацией. «Конец ноября, а тепло совсем. И снега нет. Какая же она всё-таки красивая, эта Прага! Или это только на меня, провинциалку-затворницу, так действуют шпили, черепичные крыши и узкие сказочные улочки старого города?». Она вздохнула счастливо, и тут заиграл-защебетал мобильник, сбивая-таки её с романтического настроения. Кто это? Какой-то новый номер.

– Ритка, привет! Ну, как ты там, в своей Праге?

– Майка, ты? Привет! Стою посреди Праги и не верю своему счастью! Всё просто замечательно! Даже жаль, что вечером поезд!

– Поезд?

– Ну да, в полдесятого! Шеф, когда узнал, что я летать боюсь до смерти, разрешил мне билет поменять.

– Так ты одна возвращаешься, что ли?

– Ну да, я вообще здесь одна со вчерашнего дня, дела заканчиваю. А ты-то как добралась?

– Нормально добралась, жарко здесь. Завтра уже в джунгли едем. Слушай, я, кажется, смогу тебе писать чаще, чем думала, не такие уж тут и напряги со спутником!

– Правда? Вот здорово! Пиши мне Маечка, про всё пиши, ладно? А то мне скучно будет тут одной!

– Да не вопрос, не соскучишься! Всё, бай, звонить пока не буду. Пиши, если что!

Вот заполошная! Майка есть Майка. Рита, улыбаясь, прошла немного по узкой улочке и вышла на широкую площадь. Ого, а эта площадь покруче Красной будет! Она заглянула в купленный в отеле путеводитель. Так, похоже, это площадь возле Новой Ратуши, самая большая в Европе. А вон та темная махина в фонариках, наверное, ратуша и есть. Топать через площадь к подсвеченной ратуше было лень, и Рита опять свернула на какую-то улочку. Пройдя несколько шагов, она попала к витринам, заставленным цветным стеклом

и ахнула, застыв на месте. Стопки, фужеры, бокалы, графины играли сполохами электрического света и притягивали взгляд. Ну просто какой-то фантастический коллаж из кусочков праздника! Застывший фейерверк стеклянных линий!

Ритка зачарованно открыла дверь магазинчика и вскоре уже выбирала бокалы из цветного стекла. Выбрала шесть штук – замечательных, великолепных, стильных! Продавщица, щебеча и улыбаясь, расставила их на прилавке, постукала по каждому карандашиком – те отозвались мелодичным звоном. А потом вдруг стала водить длинным ярким ногтем по ободкам двух бокалов. «Зачем это?» успела удивиться Рита, и тут стекло запело. Звук был тоненьким и нежным, как от далёких чудесных струн.

– Как красиво! – она благодарно взглянула на продавщицу, и та улыбнулась в ответ. Потом завернула бокалы в тонкую бумагу, аккуратно уложила в коробку, затем в пакет, отдала Ритке. Выйдя из магазинчика, девушка целых полквартала шла с ощущением маленького праздника. А через полквартала застыла у следующей витрины. Там на чёрных бархатных шейках-подставках красовались замечательнейшие кольца из тёмно-вишневых камней, огранённых в золото и в серебро. Гранаты. Ритка представила, как бы замечательно они подошли к её волосам и глазам, и принялась судорожно прикидывать, сколько денег у неё осталось. Оказалось, что не очень много. Если купит кольцо – сядет в поезд с грошами.

А вдруг там придётся за постель платить, за чай? И ехать целые сутки, и такси надо брать до вокзала! Ритка вздохнула, отвернулась от витрины, чтобы не расстраиваться, сообразила, куда идти дальше, и пошла гулять в направлении отеля.

**

Поезд «Прага-Москва» оказался чистеньким и уютным. Занавески на окнах, букетики в купе, постели уже застелены. Купе было трёхместным, и в первую ночь Рита делила его с молодой чешской четой. Рано утром ребята вышли так тихо, что она и не услышала. Весь день Ритка ехала одна, разглядывая в окно аккуратные домики и игрушечные вокзальчики чешских и польских станций. А что ещё делать-то? Купить какого-нибудь чтива в дорогу она вчера забыла. Без особых впечатлений проехала границу с Беларусью, – таможенники практически не побеспокоили своей проверкой. И только в полдевятого вечером, в Минске, к ней в купе вошла новая пассажирка – сухопарая блондинка средних лет в модной дублёнке и серьгах кольцами.

– Здравствуйте, какое место моё?

– Похоже, это, – кивнула Рита на вторую полку.

Блондинка разделась, повесила дублёнку и стала аккуратно пристраивать вещи: дорожную сумку и пакет с чем-то стеклянным.

– Стекло купили? – заинтересовалась Рита.

– Фарфор, чайный сервиз, – охотно отозвалась блондинка. – Красивый! Почти мейсенский. Имитация, конечно, но

очень удачная!

– А я в Праге бокалы купила, цветное стекло.

– Обожаю цветное стекло! Можно посмотреть?

– Пожалуйста!

Рита вытащила коробку, освободила один бокал от бумаги и поставила его в центре стола. Бокал пустил зайчики бежевыми гранёными боками. В толстом коричневом доньшке заискрилось отражение фонаря над дверью.

– Красивый. В Москве набор таких бокалов для мартини тысяч девять стоит, если не одиннадцать. А вы сколько отдали?

Рита задумалась, переводя кроны на рубли, и удивилась:

– Пять тысяч!

– Ну, видите, как хорошо, полцены всего!

Ничего себе, хорошо! Да чтобы она когда-нибудь такие деньги за посуду отдавала! Ошалела, что ли от Праги? Со всем запуталась в этой разнице валют!

– Мужу, наверное, в подарок везёте? – попыталась угадать попутчица.

– Шефу, – зачем-то соврала Рита, убрала бокал обратно в коробку и успокоилась. Чего, вдруг, она зажадничала, в самом-то деле? Ну, посадила на стекло остаток командировочных, ну и что. Зато теперь память будет о Праге.

Блондинка тем временем устраивалась. Отвернувшись от Риты, надела халат, стянула джинсы, переобулась в розовые плюшевые тапки и достала из сумки толстую книгу в черной

обложке.

– «Черновик», роман Лукьяненко. Читали? – спросила блондинка, перехватив любопытствующий взгляд Риты.

– Нет. Интересный?

– Очень! – выдохнула соседка и собралась было рассказывать, но тут в купе вошла проводница:

– Пожалуйста, билетик.

– Вот, пожалуйста. А можно нам два кофе? – попросила блондинка и объяснила Рите:– угощая, за встречу!

– Конечно, сейчас принесу, – кивнула проводница.

Она ушла, а соседка продолжала:

– Ну, так вот, там герой живёт в параллельных пространствах!

– Где, там? – не поняла Рита.

– Да в «Черновике» же! Герой попадает в реальность, где на его месте живёт другой человек, а про него все забыли и никто его не узнаёт! Представляете?

– Нет, – честно призналась Рита. Фантастику она не очень любила. Хотя про переходы в параллельную реальность ей что-то попадалось. Фильм такой смотрела по телику, там героиня попадает в другую реальность и оказывается не матерью-одиночкой, а прожжённой стервой, убившей своего ребенка. А потом бежит в городской парк, на карусели, что ли, катается, и возвращается в свой мир, к своей дочери. Как там актрису-то зовут, дай бог памяти... Шарлиз Терон, что ли? Или Терлиз Шарон? Забыла!

– Ну, как же! – возбудилась дама. – Это же так просто! Теория даже такая есть, что наше пространство – не единственное, оно имеет бесконечное число дублей. И мы существуем в каждом из этих дублей, но в каждом из них чем-то, да отличаемся. Иногда – совсем чуть-чуть, иногда – очень сильно. Вот в этом пространстве, в этой реальности, вы едете в Москву поездом. А в другой, к примеру, летите самолётом. И на этом различия заканчиваются. А может быть и так, что в этой реальности вы – звезда, скажем, шоу-бизнеса, а в какой-нибудь параллельной – многодетная замордованная мужем-алкоголиком мать семейства. Мы каждый раз делаем выбор: направо пойти, или налево. Сюда позвонить, или туда. Выходить замуж за этого человека, или не выходить. И каждый наш выбор разветвляет реальность. В этой реальности, вы, скажем, расстались с любимым и сделали карьеру, а в параллельной – вышли за него замуж и превратились в замызганную домохозяйку!

– Похоже, я в этой реальности превратилась в замызганную пассажирку, – прокомментировала Рита, разглядывая свои ладони. Пальцы были грязными. Собрала, что ли, пыль из багажного отсека, пока стаканы туда-сюда перекладывала?

– Давайте, вы мне чуть попозже всё расскажете, ладно? Я умоюсь пока.

Рита взяла полотенце и собралась в туалет.

– А я вам кофе несусь, – показала в дверях проводница. У

неё на подносе стояли две чашки с кипятком и блюдо с двумя пакетиками растворимого кофе и кусочками рафинада.

– Спасибо, соседка примет, – кивнула Рита и шмыгнула в кабинку. Когда вернулась, блондинка уже помешивала кофе в своей чашке, но нить разговора не упустила.

– Так вот, насчёт параллельных пространств. Вы знаете, что такое дежа вю?

– Это когда мерещится, что с тобой это уже было. Именно так, именно здесь, – вспомнила Рита.

– Ну да, что-то в этом роде. Ну так вот, существует теория, что в моменты дежа вю человек как бы оказывается на секунду в параллельном пространстве. А потом переживает то же самое мгновение в своей реальности! Вы пейте кофе, пейте!

– Да, спасибо, – вежливо сказала Рита, надорвала свой пакетик с кофе, потянулась за кипятком и нечаянно задела чашку соседки. Чашка опрокинулся на бок, и кофейная лужа рассеклась по столу, достав до края «Черновика».

– Ох ты, господи! – Рита одной рукой схватила книгу, второй – полотенце со своей полки и принялась им промокать кофейный конфуз.

– Ну что это со мной, как слон в посудной лавке, честное слово. Извините, ради бога, извините! Хотите, я вам свой кофе отдам?

– Да что вы, не надо, ничего страшного! Я уже не хочу кофе! – затрепетала ноздрями соседка. Точно, обиделась!

– Я сейчас! – Рита бросилась к купе проводников.

– Дайте ещё два кофе, пожалуйста! Мы прежнее разлили!

– Тогда вытереть же надо! – всполошилась проводница.

Всучила Рите два новых кофейных пакетика, взяла две чашки с кипятком, прихватила салфетку и заспешила к ним в купе. Там она ликвидировала остатки кофейного безобразия, аккуратно поставила чашки со свежим кипятком, прихватила уже остывшую воду и пожелала:

– Приятного аппетита!

– Спасибо, – ответила Рита, всё ещё смущённая своей неловкостью. Она высыпала пакетик кофе в свою чашку, помешала, сделала глоток. Кофе кислил.

– Книга не очень пострадала? – спохватилась она.

– Не знаю, посмотрите, – блондинка, которая размешивала в своей чашке вторую порцию кофе, мотнула головой в сторону отложенной книги. Рита взяла её, перелистнула. Снизу страницы были частью коричневыми, а на сорок третьей вообще расплылось пятно, очертаниями похожее на Африку.

– Ох, испортила книгу! – развернулась Рита к соседке, та отшатнулась от столика, придвинула к себе свой кофе и стала судорожно помешивать в нём ложечкой.

– Ничего страшного, пустяки. Допивайте уже свой кофе, пока опять не разлили.

Рита виновато отложила книгу и села прихлёбывать кофе. Теперь он будто бы горчил. Минут через десять ей нестерпи-

мо захотелось спать, и Рита улеглась на свою полку, пожелав соседке спокойной ночи. Во сне она опять переворачивала тяжёлое мамино тело, а потом опять оказалась в стеклянной комнате и смотрела сквозь толстое стекло, как мимо неё, не замечая и не оглядываясь, спешат люди.

А в семь тридцать следующего утра её с трудом растолкала проводница. Соседки уже не было. Документы, деньги и вещи – всё в целости. В голове – пыльная густая паутина. А потом она приехала домой и теперь целуется в прихожей с чужим мужиком, который, оказывается, её муж.

ГЛАВА 3

Целоваться было приятно. Давно никто вот так вот не обнимал её, не прижимал к груди, не впивался в губы, не снимал с неё куртку, не забирался под свитер, поглаживая по голому животу...

– Хватит, прекрати! Да прекрати же! – отпихнула Рита увлёкшегося типа, который уже начал расстегивать её джинсы. Она вывернулась из его объятий и отошла, поправляя одежду.

– Рит, ну ты что? Я же соскучился! – опять потянулся к ней тип.

– А я нет! Я вообще тебя не знаю, понял?

– Рит, ну ты что? Обиделась всё-таки, что я тебя не встретил? Ты же сама не захотела!

– Да когда я не захотела? Когда?

– Вчера вечером, я же звонил тебе на мобильный, ты сказала, что нечего мне вскакивать в шесть утра. Что от Белорусского недалеко, вещей мало, сама доедешь.

– Слушай, как там тебя... Гриша, – потрясла Рита головой. Мутный туман начал оседать головной болью. Происходящее напоминало странный сон. – Я не разговаривала с тобой вчера по мобильному. Я вообще ни с кем вчера не разговаривала по мобильному. И тебя я вижу впервые в жизни. Ты кто? Вор? Так забирай, что понравилось, и отваливай. У

меня жутко болит голова.

– Рит, ты что? Тебе нехорошо? Ты побледнела! – забеспокоился Гриша, будто и вправду – родной. – Может, на кухню пойдём, кофе выпьем?

– Лучше чаю, – произвольно ответила Рита. Горечь вчерашнего кофе всё еще отзывалась противным послевкусием.

– Хорошо, пойду ставить чаник.

Гриша ушёл в сторону кухни, а Ритка подобрала с пола пуховик – ишь ты, скинул в порыве страсти! – пристроила его на вешалку, где уже висела мужская дубленка. Переобулась в тапки, бросив свои сапоги рядом с мужскими зимними полуботинками. Потом зашла в ванную, поплескала в лицо ледяной водой из-под крана. Голову отпустило.

Ритка поглядела на себя в зеркало – бледность, которую она отметила в лифте, сменилась пятнами румянца. Отражению что-то мешало, она рассмотрела, что именно: чужая зубная щетка на подзеркальной полке торчит из чужого стаканчика так, что перечеркивает отражение почти пополам. Рядом лежит мужской бритвенный станок. И тоненькое маленькое колечко: посередине золотого ободка – полоска белого золота. Рита машинально надела кольцо на правый безымянный палец. Как раз. Потом осмотрела ванную: два незнакомых полотенца: маленькое, для лица, и большое, банное. Две пары носков и мужские трусы на верёвочке. На крючке – мужской темно-зелёный махровый халат.

– Рита, ты где там так долго? Я чай заварил! Бутерброд

тебе сделать? С сыром? – заглянул в ванную Гриша.

– Сделай.

Ритка пошла на кухню, села за круглый тёткин стол – теперь он был покрыт не белой скатертью с кистями, а красной клетчатой. И занавески на окнах были другие – тоже клетчатые, с большим оборчатым фестоном поверху окна.

– Я смотрю, ты освоился тут, – сказала она. – Прижился. Скатерть сменил, занавески...

– Рит, ты что? – Гриша прекратил нарезать сыр и повернулся к ней. Надо же, и фартучек повязал в такую же клетку!

– Здесь всё так, как ты сделала. Я ничего не менял! Ритка, давай уже прекращай эти игры, ты меня начинаешь пугать!

– Ну не только же мне бояться!

Рита взяла со стола чашку – а чашки прежние, тёткины – глотнула крепкого чаю – надо же, в самый раз заварил – и спросила:

– Гриша, а зачем тебе это надо?

– Что, Рита?

– Притворяться моим мужем!

– Ну всё, хватит!

Гриша швырнул нож на стол, стянул с себя фартук, скомкал его и бросил в угол. А потом сел за стол наискосок от Риты и раздражённо спросил:

– Ты что, рехнулась там, в этой Праге? У тебя что, пивное похмелье? Или ты переспала со своим шефом, а теперь морочишь мне голову?

Ритка посмотрела ему прямо в глаза:

– Гриша, я не спала со своим шефом. И у меня нет пивного похмелья. И мужа у меня тоже нет. Понимаешь? Я не замужем. Я живу одна. И когда я уезжала в Прагу, здесь была другая скатерть и другие занавески! И никакого мужа не было!

– Ритка, прекрати! У тебя что, тут, в Москве, крыша от перегрузок съехала, пока я на вахте был? Я понимаю, что тебе досталось – переезд, хлопоты, тётка твоя некстати умерла. Но я-то не виноват, что ты хотела скорее в Москву перебраться! И если ты решила превратить нашу встречу в скандал, выбери хотя бы для этого менее идиотский повод!

От Гришиных воплей головная боль съёжилась до размера мелкой бусины, и Рита поняла, что надо делать.

– Так, Гриша, – отодвинула она чашку и поднялась из-за стола, – или ты сейчас же выметаешься, или я иду звонить в милицию.

– Хорошо, – Гриша тоже встал. – Если ты так объявляешь о разводе – пожалуйста. Насильно мил не буду. Пошли писать в суд заявление, квартиру поделим и разбежимся.

– Какой суд? Какое заявление?

– О разводе, ты же этого хочешь!

– Да не муж ты мне!

– Да муж я тебе! Законный! – окончательно взорвался Гриша и убежал вглубь квартиры. Потом прибежал обратно и шмякнул на стол красиво оформленную бумажку:

– На, читай, если забыла.

Рита взяла бумажку в руки. Свидетельство о браке между гражданкой Зубовой Маргаритой Ивановной и Тюлькиным Григорием Борисовичем выдано Рязанским ЗАГСом. Согласно записи, фамилию она оставила себе девичью. И правильно сделала. А поженились они... в августе. Три месяца назад. В то время она ещё встречалась с Гришкой из Интернета...

Рита медленно положила свидетельство о браке на стол, молча обошла Тюлькина Григория Борисовича и пошла смотреть, что ещё не так в этой реальности. На диване в комнате был новый плед в зеленую клетку, на секретере в рамке стояла фотография, где она сидела вдвоем... с мужем? Рита на фото смотрела в объектив с легким намёком на улыбку, а Гриша стоял сзади, обняв её за плечи и, пристроив подбородок поверх её макушки, сиял голливудским оscalом. У Риты была такая фотография, только позади неё не Гриша стоял, а Майка, они в её приезд в их городок в салоне снялись. Вот только куда этот снимок задевался с переездом? Кстати о снимках!

– А фотографии наши где? Свадебные? Где?

Мужчина молча кивнул на стопку альбомов. Поверх старых, обтянутых кожей тётушкиных фолиантов лежал компактный «кодаковский» альбомчик. Ритка полистала снимки. Вот они расписываются в книге – служащая ЗАГСа стоит к объективу спиной. Вот они за столиком в каком-то ка-

фе, с бокалами вина в руках. Рита одета во что-то песочного цвета, судя по вороту и рукавам – очень элегантное. И у неё всё то же выражение лица, с лёгким намёком на улыбку. На пальце – тоненькое колечко. На желтом ободке – белый штришок. Ритка медленно перевела взгляд на безымянный палец своей руки. Это, что ли, колечко? И опять вернулась к фотографиям. Вот они вдвоём стоят на высокой площадке. За спиной – панорама их городка. Что-то песочное оказалось действительно элегантным костюмом: короткий приталенный жакет и юбка-годе длиной до щиколоток.

Ритка отложила альбом и заглянула в шкаф. На плечиках висел мужской джемпер, несколько сорочек, куртка и чёрный костюм в мелкую полоску. Что ещё? Среди её вещей висели незнакомые жакет и юбка-годе. Песочного цвета. Из плотного шёлка.

– Ну, ты успокоилась? – муж Гриша подошёл сзади, обнял и прошептал ей в ухо:

– Лапуль, пошли в постельку, а? Хватит уже скандалить! Ну что с тобой происходит?

Рита повела плечами, стряхивая Гришины объятия, развернулась к нему лицом и сказала, строго глядя в серые незнакомые глаза:

– Происходит то, Гриша, что я тебя не помню. Я точно помню, что живу одна. Что нет у меня мужа. И не было никогда. И я не шучу.

Пауза была такой плотной и глубокой, что оба они вздрог-

нули, когда зазвенел дверной звонок.

– Я открою, – Ритка опередила Гришу и рванула к двери, отчаянно надеясь, что сейчас всё разрешится. Что сейчас войдет кто-нибудь... Майка, например. И скажет «Что, здорово мы тебя разыграли?»

– Ритусик, здравствуй, с приездом тебя! Извини, что в такую рань, но у меня такое творится, такое! Толик-паразит вчера мне «цыганочку с выходками» закатил, телефон об стенку грохнул, а сейчас плохо ему, давление, что ли... Врачу позвонить нужно! А мобильный куда-то завалился, не найти! Можно, войду? – Тamarочка выжидающе глядела на Риту, которая стояла на пути неподвижной колодой.

– Заходи, конечно, – Рита отступила, впуская Тamarочку, та прошла в глубь прихожей, и спросила, разглядывая базу от радиотелефона:

– А где трубка?

– Где-то в комнатах, – мотнула плечом Рита. Тamarочка нажала кнопку поиска, и трубка запиликала в глубине квартиры.

– Вот, пожалуйста, – муж Гриша вышел из комнаты, протягивая Тamarочке черную, в кнопочках, трубку.

– Спасибо, Гришенька, – кивнула Тamarочка, быстро потыкала в кнопки толстыми пальцами в розовом маникюре и заговорила:

– Еленочка Леонидовна, доброе утро! Это Тамара Савченко вас беспокоит! Еленочка Леонидовна, подскажите, что

мне моему паразиту дать от головной боли? Давление? Нет, не мерила. Думаете, высокое? Из-за снегопада? Может быть! А что дать, если высокое? Ага, запомнила, ношпу и папазол, сразу по таблетке. Спасибо, Еленочка Леонидовна, дай вам бог здоровья!

Тамарочка положила трубку на базу и сказала, по-своему поняв вопрос на Ритином лице:

– Врачица моя знакомая, душевнейшая старушка! Живёт тут недалеко, на Большой Никитской. Я ей иногда по хозяйству помогаю, а она лечит, если вдруг что.

– Вы что, знакомы? – Рита аж поморщилась, отсеивая ненужную информацию, которую зачем-то вываливала на неё Тамарочка.

– С Еленой Леонидовной? Я же говорю, помогаю ей...

– Тамара, я про другое спрашиваю. Ты что, знаешь этого мужчину? – она показала рукой на Гришу. Гриша стоял в дверном проеме и разглядывал Тамарочку с брезгливым любопытством.

– Мужа твоего? Конечно, вчера же и познакомились, как он приехал. Вот соседей бог послал, вы появляетесь все ни с того, ни с сего, из ниоткуда! Таисия про тебя ни слова, ни полслова, ты – про мужика своего. Хорошо, я вспомнила, что подруга эта твоя про него говорила!

– Говорила? – не поняла Рита.

– Ну да, я ещё имя потому и запомнила, что редкое по нынешним временам. Григорий!

– Так это мы говорили... – начала было Рита, но Гриша отлепился от косяка и сказал:

– Тамара, а не выпьете ли с нами чаю? А то Рита с дороги немного не в себе, может в вашей компании перестанет на меня дуться.

– Что, поругались, всё никак не помиритесь? – улыбнулась Тамарочка и охотно прошла на кухню, уселась точно на то же место, что и тогда, накануне Ритиногo отъезда. Гриша налил ей чаю в третью кружку, себе тоже плеснул горячего. Рита села на своё место, машинально прихлёбывая уже остывший чай. Головная боль теперь пульсировала, и она старалась подстроить под неё ритм своего дыхания. Вдох-выдох, прижало-отпустило.

– А и правильно Ритусик на тебя дуется, – заключила Тамарочка, отхлебнув чаю и зажевав его конфетой из коробки («Те самые, что Майка привезла!») – Неправильно это, если жена сама с переездом уродуется, а муж на какой-то там вахте отсиживается!

– Ну, Тамара, ну что вы обе сегодня с утра меня оправдывать заставляете! Ну куда я уеду, из тундры-то, если вахту раз в две недели меняют! И что я могу поделать, если Риточка у меня такая самостоятельная, не захотела меня дожидаться! Рит, ну хватит на меня дуться, ну пожалуйста!

Гриша взял Ритку за руку и попытался заглянуть ей в лицо.

– Ритусик, помирись с мужем-то, видишь, как ластится, –

прокомментировала Тамарочка.

– Он мне не муж!

Рита выдохнула головную боль, выдернула руку из Гришиной ладони, резко встала из-за стола.

– Тамара, помоги мне выгнать этого человека из квартиры! Он мошенник, я его вижу в первый раз!

– Рита, ты опять? Теперь ты хочешь скандала при зрителях? Мне что, Тамаре тоже предъявлять свидетельство о браке и фотографии?

Тамарочка переводила взгляд с одного на другого с весёлым интересом, будто сериал смотрела. Про любовь.

– Ребятки, а что тут у вас происходит-то?

– А то, что я вернулась из Праги и нашла в квартире чужого мужика, который теперь доказывает, что он мой муж! А у меня нет мужа! И не было! И я не понимаю, откуда взялось свидетельство о браке, почему здесь его вещи и наши свадебные фотографии! И почему мне впору обручальное кольцо! – выкрикнула Ритка, и выражение на Тамарочкином лице стало озабоченным.

– Ритуль, а ты хорошо себя чувствуешь?

– У меня очень болит голова. И я не понимаю, что происходит.

Рита села обратно за стол, сложила руки, положила на них голову и заплакала, тихо поскуливая от ощущения полной беспомощности перед свалившимся на неё абсурдом.

– Рита, Ритусик, ты что? Пойдём-ка, приляжем! – подско-

чила к ней Тamarочка. Обняла за плечи и прикрикнула на сунувшегося было Гришу:

– Уйди, не мешай! И свидетельство о браке предъяви! И валерьянки дай!

Отогналав Гришу, Тamarочка подняла Риту из-за стола и отвела в спальню. Там положила на широкую тёти Таину кровать, укрыла пледом, который прихватила в гостиной. И села рядом, поглаживая Риту по голове и приговаривая, почти как мама в детстве:

– Ну, успокойся, девочка моя, успокойся.

– Я не знаю, где тут валерьянка. А свидетельство о браке – вот, – заглянул в спальню Гриша-муж.

– Так, Тюлькин Григорий Борисович, ... брак с гражданкой Зубовой... Так вы что, прям перед матушкиной смертью поженились? – спросила Тamarочка Риту.

– Да не женились мы... Тamar, я же говорю, не муж он мне!

– Рита, теперь ты меня серьёзно пугаешь. Ты что, действительно ничего не помнишь? – спросил Гриша. Он сел на корточки в изголовье и попытался заглянуть Рите в глаза. Рита зажмурилась, и только головой мотала от Гришиных вопросов.

– Как свадьбу сыграли по-тихому, без гостей, из-за маминной болезни, помнишь? Как мама твоя радовалась за нас с тобой, помнишь? Ну правда, радовалась, по глазам заметно было! Она, наверно, и умерла потому, что успокоилась за

тебя. Как мы перебирали её бумаги и нашли тёти Таин адрес, помнишь? Как о похоронах договаривались, какой венок твоей маме заказали: из живых еловых лап, с белыми каллами и красной лентой. Как вчетвером хоронили твою маму – ты, я, тётя Тая и Мария Сергеевна, помнишь?

– Не помню! – Рита открыла глаза и села. – Всё было совсем не так! Я встречалась не с тобой, а с другим Гришей! И он меня бросил! А мама умерла на следующий день! А венок был из искусственных роз, а хоронили мы маму втроём, тебя там не было! До сегодняшнего утра тебя в моей жизни не было!!! Вообще!!!

Впервые в жизни она так орала, и головная боль не выдержала этого крика, лопнула, впиваясь в виски колючими осколками, оставив Риту наедине с ужасом и абсурдом происходящего.

– Ну не было, Риточка, и не было, ляж, моя хорошая, ляж, я сейчас валерьянки принесу, – успокаивающе забормотала Тamarочка.

Она уложила Риту обратно, укрыла и заспешила к двери, по дороге мотнув головой Грише – за мной.

– Тamarочка, вызови милицию – пробормотала Рита. Вспышка яростной паники прошла так же внезапно, как нахлынула, и теперь она дрожала, то ли от слабости, то ли от избытка чувств.

– Вызову, Риточка, всех вызову, – пообещала Тamarочка и вышла. Минут через пять вернулась, заставила выпить пол-

стакана какой-то резко пахнувшей настойки. Дрожь прекратилась, навалилась сонливость, и Рита, засыпая, услышала быстрый Тamarочкин говорок из-за двери.

– Еленочка Леонидовна? Это опять Тамара беспокоит. Еленочка Леонидовна, вы не могли бы посоветовать хорошего невропатолога? У моей приятельницы нервный срыв и провалы в памяти. Как, говорите? А на дом вызвать можно? Ага, записываю...

**

– Понимаете, у неё были очень тяжелые три последних года. Её мать перенесла два инсульта, после второго вообще оказалась полностью парализована, и Рите пришлось всё тащить на себе. Других ведь родственников не было. Вернее, тётя Тая была, но это потом выяснилось, когда Татьяна Аркадьевна умерла уже.

– Татьяна Аркадьевна, это матушка, я полагаю?

– Да, так звали мою тёщу. Мы с Ритой познакомились совершенно случайно, в сети...

– Где, простите?

– В Интернете, на сайте знакомств. Я ведь нефтяник, по две недели в тундре работаю, вахтовым методом. Вокруг одни мужики, иногда так тоскливо становится! А в Интернет залезешь, фотографии женщин посмотришь – развеешься. Я так Риту-то и приметил. Смотрю, мордашка симпатичная, глазки весёлые. Почитал анкету – землячка. Интересно стало... Познакомились, смотрю, одна девка с жизнью бьётся,

мамашу свою тащит парализованную, в долги кошмарные залезла. Жалко мне её стало, хорошая ведь девчонка-то. Настоящая. Наши, тюменские, все настоящие. Поженились мы, в общем.

Голоса доносились из-за закрытой двери. Глуховатый старческий баритон задавал уточняющие вопросы, а молодой мужской голос рассказывал какую-то в чём-то знакомую, а в чём-то новую для Риты историю. Фото с весёлыми глазами... Да, она тогда вывесила на сайт лучшую свою, тюменскую ещё, фотографию. Папа тогда был жив, мама здорова, Рита верила, что впереди у неё только хорошее. И смотрела с фотографии этому хорошему прямо в лицо. Гришка, тот, рязанский, когда они уже познакомились, говорил, что в жизни она точно такая, как на фотографии. Вот только глаза стали другие, будто внутрь себя она всё время смотрит, о своём думает. А она и думала. Про маму.

Рита повернулась на другой бок, не желая расставаться с приятным сонным оцепенением. Мама... Полтора года надежды и ещё полтора года тупого служения угасающему телу. После второго инсульта врачи разводили руками и говорили, что жить ей осталось два-три месяца. Протянула пятнадцать, и всё это время Рита вертела с боку на бок тяжёлое мычащее тело, делала ему уколы, кормила с ложечки, собирая с подбородка вываливающуюся из обвисших губ еду и вздрагивая от всплесков тоски в родных ореховых глазах. Только глаза в этом теле оставались мамиными, имен-

но они удерживали Риту в этой реальности. Потому что иногда ей казалось, что она спит и видит дурной сон. А стоит проснуться, и всё окажется совсем другим. Мама будет здорова и счастлива, Рита не станет гнаться у компьютера ночами, подрабатывая составлением рефератов по экономике, случайным компьютерным набором и участием в каких-то сомнительных маркетинговых Интернет-опросах. А достанет свой диплом экономиста-международника и устроится в какую-нибудь хорошую фирму. И замуж выйдет. И кончится это её распроклятое одиночество, от которого хочется наложить на себя руки.

– Скажите, молодой человек, а как она перенесла смерть матери? – спросил баритон за дверью.

– Да вроде спокойно, – ответил смутно знакомый мужской голос. – По крайней мере, без особых слёз. Да и тётя Тая помогла очень, поддержала. Квартиру эту Рите подарила. Хотя, правда, мы с Ритой поругались пару недель назад. Я просил её, чтобы подождала с переездом, пока я с вахты вернусь, а она ни в какую. Бери, говорит, отгулы, и поехали. Не могу, говорит, больше жить в этой провинции. А у нас отгулы взять – проблема. И так бурильщиков некомплект. Попытался ей объяснить – в слёзы. Не любишь, говорит, работа дороже меня... Ну, вы знаете, что женщины могут наговорить в таких сценах. В общем, обиделась на меня так, что, оказывается, даже Тамарочке не сказала, что замужем!

– Точно, точно! Если бы она не позвонила мне позавчера

из Праги, прыгал бы ты, Гришечка, под дверью. Ни за что бы тебе ключи не дала! – вступила в разговор Тamarочка, и Рита окончательно проснулась. Она в тёти Таинной квартире, которая вот уже две недели как её дом. За дверью – Тamarочка, которая уже две недели как её соседка. И мужчина, который, оказывается, уже почти месяц как её муж...

Но как же так? Почему же она помнит совсем другое? Помнит другую часть своей жизни, где нет у неё никакого мужа? Но почему тогда он рассказывает такие подробности из её жизни, которые случайный человек знать не может? Почему в её квартире находятся его вещи? Почему у них общие фотографии? Почему обручальное кольцо – Рита пошевелила пальцами – ей в пору?

Она принялась ещё раз перебирать в памяти события последних дней. Выставка, шеф, сказочная Прага, чистенький вагон, соседка, залитый кофе «Черновик» Лукьяненко, параллельная реальность... А вдруг это правда? Может, теория, о которой ей рассказывала соседка, верна? Может быть, она, Рита, сделала в ночном поезде свои полшажочка? Когда кофе, к примеру, пролила? Помнится, её тогда потрянуло будто! И перешла в другую реальность, где всё почти так, как в прежней? Только в этой реальности она не одна. В этой мама умерла, зная, что Рита счастлива. В этой реальности у неё есть замечательный любящий муж. А работа? Работа у неё есть в этой реальности?

Рита скинула с себя покрывало, на ощупь, нащаривая у

кровати тапочки, обулась, пригладила волосы и вышла из комнаты в смежную гостиную.

Журнальный столик был придвинут к дивану. В двух старомодных креслах с деревянными подлокотниками сидели Тamarочка и опрятный пожилой мужчина профессорской внешности. Они рассматривали фотографии в Ритином альбоме. «Кодаковский» альбомчик лежал чуть в стороне – свадебные снимки они, видимо, уже посмотрели. Муж сидел на диване и комментировал:

– Это Рита с родителями, в Крыму. Здесь ей двенадцать, кажется. А это с подружкой какой-то, не знаю с кем.

– Да с Маечкой же, ты что, не знаком с ней что ли? – узнала Тamarочка. Гриша оторвал взгляд от альбома, собираясь отвечать, и заметил Ритку.

– Рита, ты зачем встала? – он кинулся к ней навстречу, замешкался, пролезая между столом и диваном.

– Как ты себя чувствуешь, голова не кружится?

Ритка прислушалась к своим ощущениям. Голова не кружилась. Она легкой была, голова. И пустой. И где-то на доннышке зарождалось ощущение ясности и покоя.

– Всё в порядке, Гриша, я хорошо себя чувствую, – с удивлением сказала Рита и охотно прильнула к широкой груди мужа, пристраивая на ней голову и вспоминая ощущения. Ведь если они уже не в первый раз обнимаются, должна же она хотя бы телом про это вспомнить, раз мозгами не получается! Голова отчего-то не пристраивалась, Рита поёрза-

ла немного и затихла где-то возле Гришиного бицепса. Нет, ощущения совершенно новые. Наверное, она в параллельную реальность перешла вся, целиком, вместе с памятью тела.

– Девочка моя, милая, как же ты меня напугала, – сказал Гриша и погладил Риту. Сначала два раза по волосам, потом три раза по спине.

– Гриш, я всё вспомнила! Я вспомнила, что ты – мой муж! – пробормотала Рита в Гришину подмышку, и рука мужа сбилась с третьего раза, на несколько секунд придавив спину неожиданной тяжестью. Ритка подняла голову и попыталась заглянуть Грише в лицо. Не получилось, и тогда она из-за его плеча стала рассматривать гостей. Пожилой профессор из своего кресла с любопытством наблюдал за событиями. А Тamarочка, – она успела сменить свой утренний халат в синий цветок на бледно-зелёное платье – та и вовсе перекутилась вся на своем сидении, жадно впитывая каждый их жест и каждое слово.

– Ритка, правда, что ли? Ты вспомнила? Вспомнила! Она вспомнила, – сообщил Гриша, оборачиваясь к гостям. Рита пошевелилась, размыкая Гришины объятия.

– Очень хорошо! Позвольте представиться, – встал из кресла профессор и слегка наклонил голову, представляясь. – Лев Казимирович Дворецкий, профессор. Приглашён в ваш дом вашим мужем, дабы помочь вам в ваших затруднениях.

Рита обошла мужа и подала профессору руку, невольно сбиваясь на его манеру речи:

– Очень приятно, Маргарита. Все затруднения кончились, мне очень неудобно, что мы вас побеспокоили. Вы позволите предложить вам чаю?

– Всенепременно, сударыня, с удовольствием выпью чашечку!

– Гриша, будь любезен, порежь хлеб, сыр, и что там еще есть в холодильнике! Тamarочка, я была бы очень признательна, если бы ты смогла помочь Грише на кухне. А меня прошу извинить, мне потребуется некоторое время, чтобы привести себя в надлежащий вид!

Тамарочка быстро закивала. Рита улыбнулась всем сразу легкой улыбкой и пошла в ванную.

– Нет, доктор, вы видите, что твориться-то? Теперь она заговорила по чудному! – зашептала Тамарочка, как только Рита вышла из комнаты. Рита улыбнулась про себя этому шёпоту и, закрывая двери ванной, слышала профессорский вердикт

– По-моему, тут ничего серьёзного. Обычное переутомление. И шок, вызванный долгой болезнью матери.

«Понятно? – показала Ритка язык своему отражению. – Переутомление, небольшой шок и переход в другую реальность. Господи, как хорошо-то! Как хорошо, что в жизни у меня теперь совсем всё наладилось! Квартира – мечта! Муж – супер! Работа... Так, а что с работой-то? Кем я работаю

в этой реальности?» Ритка быстро поплескала в лицо прохладной водой («О, щёчки розовенькие стали!»), расчесалась («Надо бы подстричься, оформить это лохматое безобразие») и вышла на кухню.

– Гриш, а мне с работы не звонили? Я ведь документы привезла, отдать нужно сегодня же.

– Звонила девка какая-то, я трубку брала, – ответила Тamarочка. – Сказала ей, что ты заболела и сегодня прийти не можешь. Знаешь, как вцепилась – что с тобой, чем заболела! Уж я врала, как могла!

– А потом мужик звонил, – сказал Гриша. – Шеф твой, что ли? Пришлось объяснить этому зануде, что ты лежишь с температурой и, хотя и рвешься бежать в офис, я, как муж, тебя не отпускаю.

– А он что? – осторожно спросила Рита.

– Сказал, что пришлёт курьера за документами. Нужны, говорит, очень.

– Тогда я пойду их достану! – бросилась Рита в прихожую. Там пошебуршила в сумке, вытащила коробку с пражским печеньем – так, это к чаю. И тоненькую папочку-скоросшиватель с несколькими файлами. Полистала листочки с договором – вроде всё в порядке, с переходом в другую реальность не изменились...

Зазвонил домофон, сообщая, что к ним пришли, и Рита в задумчивости нажала кнопку входа. А потом ей в голову пришла мысль, от которой она бессильно опустилась на стул.

А вдруг в этой реальности от неё нужны совсем другие документы? Ё-моё, вот ведь попала в переплёт! Что же делать теперь?

Ну, хотя бы дверь открыть – звонят. Рита поднялась со стула и пошла на настойчивый дверной звонок. Открыла.

– Здравствуйте, Рита, я за документами, – сказал шеф.

«Он что, в этой реальности – курьер? – обмерла Ритка. – Так получается?»»

ГЛАВА 4

Было что-то в этой девчонке, его землячке, определённо, было. А иначе он её бы и не выбрал. Не красotka, нет. Да он и просил не присылать ему куколок – Дунечки хватило с лихвой. Чётко обрисовал в кадровом агентстве, кто ему нужен: толковая помощница с хорошим образованием и знанием минимум двух языков. И никаких девочек. Чем старше, тем лучше. Хорошо бы лет сорока. И пусть не красавица, но и не распустёха какая.

Сложную, наверное, задал задачу – агентство ему два месяца помощницу искало. Присылали массу самых разных резюме, на одно он даже отреагировал. Уж больно подходящей показалась кандидатка: тридцать два года, английский и немецкий язык, предпринимательский опыт. Пригласил на собеседование, пришла: декольте до пупа, ногти на руках – сантиметра полтора длиной. Попросил составить письмо на английском, всего-то и текста, что «Дорогой мистер Смит, сообщаем вам, что заказанное вами оборудование отгружено такого-то числа. И напоминаем, что согласно нашей договоренности мы ждём от вас первый транш не позднее последней декады этого месяца». Кандидатка полчаса у компьютера сидела, сопела, в потолок смотрела, ресницами своими хлопала. А потом приволокла распечатанный листочек и положила ему на стол, так наклонившись, чтобы он пре-

лести её смог рассмотреть поподробнее. Рассмотрел. Прелести понравились. Перевод – нет. Судя по абракадабре, которую дамочка ему притащила, она элементарно запустила текст на Интернет-переводчик. Сообразительная оказалась! Только вот догадаться, что программа переводит слова, а не понятия, соображалки не хватило. И познаний в английском – тоже. А так как ему помощница нужна была, а не любовница, пришлось с дамочкой распрощаться.

Матвей хмыкнул, вспоминая, как расстроилась кандидатка, как надеялась ещё на что-то, попросив закурить. Как красиво пускала дым, запрокидывая голову, потряхивая волосами и покачивая, нога на ногу, туфлей на шпильке. Туфля была красивая. И нога тоже: коленки круглые, щиколотки тонкие. Хороша была дамочка, определённо, хороша. Ей бы к нему полгода назад прийти – повёлся бы, точно, повёлся. И на ножки-коленочки, и на грудки-реснички. А теперь – нет. Теперь, после Дунечки, на грудки-коленочки у него иммунитет. Стойкий. Стопроцентный. На всю оставшуюся жизнь.

В общем, забраковал он кандидатку. Агентство тоже забраковал – заколебало оно его бесконечным потоком дурацких резюме. Понял вдруг, что, запросивши за поиск специалиста половину оклада его будущей помощницы, эти шустрые ребятишки просто-напросто размещают в Интернете и газетах вакансию, собирают все резюме в кучу и если что и отсеивают, так только самые что ни на есть бредовые послания. Все остальные – ему шлют. Поэтому Матвей, больше

на авось и от отчаяния, – помощница нужна была, просто караул, – решил поискать кандидатку в провинции. Попросил заводских дать объявление в их городе – и, как ни странно, сработало. Пришла эта Рита-Маргарита. С отличным образованием, двумя языками (знает блестяще, проверил!) и стажем в неслабой тюменской нефтяной компании. Правда, перерыв в стаже – больше трёх лет. Почему, она толком не объяснила. По семейным, говорит, обстоятельствам. Рожала, что ли? Хотя в анкете написала, что детей нет. Да и ладно, по обстоятельствам, значит по обстоятельствам. Лишь бы эти обстоятельства ей работать не мешали.

Пока не мешали. Вон как бумаги разгребла, всего-то за неделю! Договоры по папкам подшила-разложила, на письма, что электронный ящик забили, ответила, с подпиской на журналы – три месяца почему-то не приносили – разобралась. Аналитическую записку по рынку в Интернете отыскала. А главное, умудрилась так упорядочить его день, что у Матвея впервые за последние полгода пропало ощущение водоворота дел, в котором его крутит-затягивает, а он только и может, что высовывать из воды голову и ловить воздух.

У него впервые стало на всё хватать время. Оно у него к пятому дню работы с Ритой даже свободное появилось, время-то! Вот тогда он и расслабился, и заметил, что в его помощнице определённо что-то есть. Прямой спокойный взгляд ореховых глаз (на дне – грустинка и капелька боли, почему, интересно?), красивая посадка головы (это про та-

кую говорят «гордая»?), каштановые блестящие пряди (интересно, что женщины делают с волосами, чтобы они у них так блестели?). Косметики – минимум. Ногти – круглые, розовые, блестящие. Пальцы тонкие, безо всяких колец. Декор – отсутствует. Так, две пуговицы на блузке от ворота расстёгнуты, чуть ключицы видны. Ноги показывает иногда, но не специально. Когда садится в кресло, юбка приподнимается, натягиваясь на полных бедрах, и слегка открывает круглые коленки. И ни капли кокетства, ни капли манерности: собранность, деловитость, корректность. Сухарь, а не женщина. И это при её-то формах! И в двадцать девять-то лет!

Рита-Рита-Маргарита. Новая помощница настолько его заинтриговала, что Матвей решил взять её с собой в Прагу, на выставку. Решил посмотреть, какая она вне офиса. Узнать о ней чуть побольше. Узнал: панически боится самолётов, способна пахать до изнеможения, даже в командировке не расположена крутить с боссом амуры. Или расположена? Честно говоря, сам он действовать не собирался, а от неё специальных знаков ждал. А она в первые два вечера таких знаков не подавала. Может, в третий подала бы? Скорее всего, нет. Эта удивительная Рита так вкалывала на выставке – будто дорвалась до работы – что больше ни на что у неё сил, похоже, не оставалось. Вон, в первый вечер к ужину просто не спустилась, продрыхла в своём номере. Во второй спустилась, но сидела, как рыба вяленая, ковырялась в своей

тарелке. Правильно он сделал, что оставил её еще на денёк в Праге. Поощрил девушку. Хотя, честно говоря, обошёлся бы и без её курьерских услуг, доплатил бы шестьдесят долларов за доставку, дешевле бы вышло. И вообще, что-то он раскис в этой поездке. Гранатовое кольцо зачем-то купил это дурацкое... Куда его теперь девать? Не Рите же дарить, в самом деле.

Матвей Самарин, директор московского представительства компании «Измерин», взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что сидит перед монитором компьютера, складывает «тетрис» и размышляет о своей новой помощнице уже битых полчаса. «Одиннадцать часов, между прочим, пора бы ей и объявиться. На работу прийти, или позвонить хотя бы. За четыре дня дел-то поднакопилось. И кофе выпить хочется хорошего. Света-менеджер такой варить не умеет». Матвей посидел, глядя в монитор, ещё пару минут и решил:

– Светлана, ты не могла бы дозвониться до Зубовой и выяснить, куда она пропала? – выглянул он из своей комнатушки. Под их представительство было приспособлено бывшее фотоателье, поэтому и помещения здесь оказались специфическими: большая комната и выходы в смежные крохотные комнатухи. Общую комнату отвели под менеджерскую, а в комнатухах устроили директорский кабинет, бухгалтерию и переговорную. Тёмный чулан – видимо, бывшая фотолаборатория, раз есть вытяжка и вода – превратили в кухню.

Как раз поместился столик с микроволновкой, два табурета и холодильник. Помощница сидела в общей комнате, возле двери в кабинет Матвея. Вернее, не сидела – пустой Ритин стул уже начал раздражать. И Матвей вернулся к себе в кабинет, чтобы не видеть этого безобразия.

– Матвей Алексеич, говорят, заболела Зубова! – сообщила Светлана, заглянув в кабинет пару минут спустя.

– Как заболела? Кто говорит?

– Не знаю, тётка какая-то.

– А что с ней?

– Говорит, температура.

– Простыла, что ли?

– Не знаю, она так толком и не объяснила.

– Слушай, Галушкина, ты хоть один вразумительный ответ по телефону получить способна? «Не знаю, не объяснила, тётка какая-то»! Как ты вообще хоть что-то продать умудряешься? Какой у Зубовой телефон?

– Вот, – протянула Светлана листочек, где крупным почерком записала пять цифр и застыла в ожидании. Матвей глянул на неё строго, Светлана понятливо исчезла за дверью, и Самарин быстро пробежался пальцами по кнопкам телефона. Сбился, чертыхнулся, набрал, уже медленнее, ещё раз и стал нетерпеливо отсчитывать длинные гудки. На пятом гудке трубка ответила мужским голосом:

– Алло!

– Здравствуйте. Мне нужна Маргарита.

– Какое совпадение! Мне тоже! Кто её спрашивает?

– Я Самарин Матвей Алексеевич, генеральный директор компании, где она работает. А вы, простите, кто будете?

– А я буду Тюлькин Григорий Борисович, супруг Маргариты Ивановны. И боюсь, уважаемый господин директор, в ближайшее время вы её услышать не сможете.

– А можно узнать, по какой причине?

– По причине болезни. Загнали вы, любезный генеральный директор, Маргариту Ивановну. Заездили. Доконали. Лежит она теперь, бедная, не встаёт, и даже к телефону подойти не может.

Мужик в трубке глумился. Почему, интересно?

– Григорий...

– Борисович

– Спасибо. Григорий Борисович, мне очень жаль, что Маргарита...

– Ивановна.

– Что Маргарита Ивановна заболела. Но она должна была привезти из Праги документы, мне очень важно получить их как можно скорее. Скажите, могу ли я за ними послать курьера?

– Да не вопрос! Хоть сами заезжайте! Только Риту хотя бы недельку не трогайте!

– Договорились, – сказал Матвей и быстро положил трубку. Потом отменил паузу на «Тетрисе» и начал крутить ломаные фигуры, прилаживая выступы к впадинам. Что-то не то.

Что-то не так. Откуда он взялся, этот муж Тюткин? Неделию назад не было никакого мужа. Или был? Или вылезли-таки эти «семейные обстоятельства», которые Рита не стала комментировать? Нет, не складывается его секретарша с этим мужиком, который хамил ему в трубку. А с кем складывается? «С тобой!» – съехидничал кто-то в его мозгу, и Самарин развернулся в кресле, дотянулся до двери и крикнул:

– Света, а где Зубова живёт? Ты не могла бы уточнить для меня адрес?

**

А его помощница и впрямь не так проста, как кажется! Аппартаменты в самом центре Москвы – это вам не квартирушка в каком-нибудь Перове. Интересно, с каких доходов? Или это Тюткин у неё такой крутой? Матвей набрал на домофоне номер квартиры и приготовился объяснять, кто он и зачем пришёл. Объяснять не потребовалось – домофон запищал, пропуская безо всяких вопросов.

– Вы к кому? – строго блеснула очками консьержка.

– Я в шестую квартиру!

– А, к Риточке! Что-то к ней сегодня прямо гость за гостем с утра, – покивала консьержка и предупредила:

– Только вам придётся по лестнице на третий этаж подниматься. Лифт от ключа работает!

– От ключа? Почему? – удивился Матвей.

– А домоуправ так сделал. Не все жильцы хотят за лифт платить, поэтому, кто платит, тот и ездит.

– Весело тут у вас, – подытожил Матвей и потопал к лестнице. Тоже мне, проблема, на третий этаж подняться. Поднялся, постоял немного у двери, выравнивая дыхание. (Ничего так, высота у этажей! Считай, как на пятый этаж махнул!) Прикинул, как будет прорываться сквозь мужа, чтобы поговорить с Ритой. И позвонил в шестую квартиру.

Прорываться не пришлось – открыла Рита.

– Здравствуйте, Рита, я за документами, – сказал Матвей. – Можно войти?

– Да, пожалуйста!

Рита отступила, впуская Матвея в квартиру и разглядывая его с каким-то вопросом и смущением. Кстати, на вид не так уж она и больна. Хотя глаза странные, глядит, будто сквозь него.

– Я ждал, что вы сегодня на работу выйдете. А мне сказали, что вы заболели. Что температура у вас.

Матвей топтался у порога и потихоньку начинал злиться. Прежде всего, на себя. С чего, спрашивается, подхватился и прискакал? Ну, приврала девушка насчёт болезни, ну, попросила этого своего Тюткина убедить начальника. А он уже придумал себе с три короба: совпадает – не совпадает...

– Где договоры? – раздражённо оборвал он свои мысли, получил от Риты тонкую папочку-скоросшиватель и сказал противным (аж самого передёрнуло) голосом:

– Потрудитесь завтра выйти на работу. Либо предоставьте больничный лист. Болеть, кстати, не в ваших интересах – в

зарплате потеряете.

И опять потоптался, отводя взгляд от растерянных Ритиных глаз. Пора было уходить. Но почему-то не уходилось.

– Ритусик, ты где пропала? – в прихожую выглянула полная женщина в бледно-зелёном платье и с любопытством уставилась на Матвея:

– Здрасьте!

– Тamarочка, это мой шеф, приехал за документами. Думал, температура у меня...

– Была, была температура, – закивала женщина, делая честные-пречестные глаза.

– Сбили мы ей температуру. Доктора пригласили. Да вы пройдите в квартиру, пройдите, с доктором поговорите. И чайку с нами выпьете.

Женщина, которую Рита назвала Тamarочкой, так суетилась, что Матвею стало весело. Ой, врёт! Зачем, интересно? Риту, что ли, выгораживает? А и правда, не попить ли чайку? И где этот Тютюкин-муж?

– А у нас гостей прибыло, – весело пропела Тamarочка, приведя Матвея на кухню. – Риточкин начальник, сам приехал за документами! Лично!

– Здравствуйте!

Матвей окинул быстрым взглядом двух мужчин, сидевших за круглым столом. Который из них муж? Тот, что справа, староват для Риты. Да и выглядит слишком интеллигентно. Похоже, по телефону ему хамил вон тот красавчик, что

слева сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.